

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА

Выпуск 2, 2021

EASTERN ANALYTICS

Issue 2, 2021

Russian Academy of Sciences
Institute of Oriental Studies

EASTERN ANALYTICS

Issue 2, 2021

Moscow
2021

Российская Академия наук
Институт востоковедения

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА

Выпуск 2, 2021

Москва
2021

Редакция:

*академик РАН, доктор исторических наук, профессор
В. В. Наумкин (главный редактор)*

*В. Я. Белокреницкий (зам. главного редактора), А. В. Акимов (ответственный редактор выпусков), Н. Ю. Ульченко (член редакции), И. В. Федулов (макет),
В. М. Немчинов (редактор), Е. Ф. Щепилова (редактор).*

Редакционная коллегия:

*А. К. Аликберов, А. Д. Васильев, А. В. Воронцов, А. Д. Воскресенский,
А. С. Железняков, И. Д. Звягельская, В. А. Исаев, В. А. Кузнецов, С. Г. Лузянин,
Н. М. Мамедова, Д. В. Мосяков, С. А. Панарин, Д. В. Стрельцов, Т. Л. Шаумян*

DOI: 10.31696/2227-5568-2021-02

<https://analitika.ivran.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

И. В. Дерюгина а, Е. В. Растянникова

МИРОВОЙ СЫРЬЕВОЙ КОМПЛЕКС И 14-Й ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН КИТАЯ 7

В. Ю. Додонов

ТОРГОВЫЙ БАЛАНС КАК ФАКТОР МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ДИНАМИКИ КАЗАХСТАНА: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ 19

А. А. Гарин

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ АВСТРАЛИЙСКОГО СОЮЗА И КНР В УСЛОВИЯХ
ТРАНСФОРМАЦИИ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА 32

О. Е. Митрофаненкова

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА АФГАНСКИЙ НАРКОБИЗНЕС В 2020 г. 43

ПОЛИТИКА

Е. В. Дунаева

ИТОГИ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2021 В ИРАНЕ..... 53

Д. Б. Графов

ОЦЕНКА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ В ПЕРСПЕКТИВЕ
РАЗЛИЧНЫХ ПАРАДИГМ ТЕОРИИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (*на англ. яз.*)..... 64

CONTENS

ECONOMICS

Irina Deryugina, Elizaveta Rastyannikova

THE GLOBAL RAW MATERIALS COMPLEX
AND CHINA'S 14TH FIVE-YEAR PLAN 7

Vyacheslav Dodonov

TRADE BALANCE AS A FACTOR OF MACROECONOMIC DYNAMICS
OF KAZAKHSTAN: TRENDS AND PROSPECTS 19

Artyom Garin

THE FEATURES OF MODERN SINO-AUSTRALIAN TRADE
AND ECONOMIC RELATION IN THE CONTEXT OF CHANGING ASIA-PACIFIC 32

Olga Mitrofanenkova

THE INFLUENCE OF COVID-19 PANDEMIC ON AFGHAN DRUG BUSINESS
IN 2020 43

POLITICS

Elena Dunaeva

2021 IRANIAN PRESIDENTIAL ELECTION 53

Dmitry Grafov

THE OUTLOOK ON THE TURKEY'S FOREIGN POLICY
FROM DIFFERENT PARADIGMS OF INTERNATIONAL RELATIONS..... 64

ЭКОНОМИКА

Научная статья

DOI: 10.31696/2227-5568-2021-02-007-018

**МИРОВОЙ СЫРЬЕВОЙ КОМПЛЕКС
И 14-Й ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН КИТАЯ****Ирина Владимировна Дерюгина^a, Елизавета Викторовна Растянникова^b**^{a,b} – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия^a – irina-vd@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8040-1810^b – e_rast@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3494-7791

Аннотация. В статье анализируются особенности нового этапа глобализации в мировом сырьевом комплексе: углубление специализации, увеличение концентрации, отраслевая неравномерность, возрастание государственного управления, ускорение конвергенции, цикличность мировой конъюнктуры. Так как Китай выступает ведущим игроком глобализации в мировом сырьевом комплексе, важное значение приобретает оценка 14-го пятилетнего плана, принятого на 2021–2025 гг. Результатом выполнения 14-го пятилетнего плана Китая станет резкий рост спроса на металлы, на сырье для их производства, на продовольственные ресурсы и, соответственно, циклическое повышение мировых цен на все сырьевые ресурсы.

Ключевые слова: Глобализация, 14-й пятилетний план Китая, мировой сырьевой комплекс, концентрация производства, циклы мировой конъюнктуры

ECONOMY

Original article

THE GLOBAL RAW MATERIALS COMPLEX AND CHINA'S 14th FIVE-YEAR PLAN**Irina Deryugina^a, Elizaveta Rastyannikova^b**^{a,b} – IOS RAS, Moscow, Russia^a – irina-vd@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8040-1810^b – e_rast@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3494-7791

Abstract. The article analyzes the features of the new stage of globalization in the world mining complex: deepening specialization, increasing concentration, sectoral unevenness, increasing government management, accelerating convergence, the cyclical nature of the global conjuncture. Since China is a leading player in the globalization in the global mining complex, the assessment of the 14th five-year plan adopted for 2021–2025 becomes important. The result of the implementation of the 14th five-year plan of China will be a sharp increase in demand for metals, for raw materials for their production, for food resources and, accordingly, a cyclical increase in world prices for all raw materials.

Keywords: Globalization, China's 14th five-year plan, the world mining complex, production concentration, cycles of the world market

По мнению большинства экономистов, новый этап глобализации стартовал в 1990-х гг., научную известность он обрел как «новая глобализация»¹ или

© Дерюгина И. В., Растянникова Е. В.

¹ Болдуин Р. Великая конвергенция: информационные технологии и Новая глобализация / Пер. с англ. О. Левченко; под ред. А. Белых. — М.: Дело РАНХиГС. 2018. — 416 с.

«пятая стадия глобализации»². Сформировали переход к новому этапу революционные сдвиги в информационных технологиях, они позволили значительно снизить коммуникационные расходы, аналогично тому, как ранее были сокращены транспортные расходы. Именно принципиально новый тип передачи знаний характеризовал переход к «новой глобализации», который называют также революцией глобальных цепочек стоимости³.

Глобализация в мировом сырьевом комплексе развивалась несколько по иной модели. Рост доходов в развивающихся странах в конце XX в., ускоренная урбанизация и индустриализация вызвали в мире повышенный спрос на сырьевые ресурсы, результатом чего стало их циклическое подорожание. Поэтому в мировом сырьевом комплексе новый этап глобализации начался с отставанием примерно на 10–15 лет. Согласно нашим расчетам, виток глобализации в сырьевых отраслях мирового хозяйства проявил себя в середине–конце 2000-х гг. Как будет показано ниже, он совпал с фазой циклического подъема мировых цен на ресурсы.

В мировом сырьевом комплексе текущая стадия глобализации характеризуется следующими факторами: а) углублением специализации; б) увеличением концентрации; в) отраслевой неравномерностью; г) возрастанием государственного управления; д) ускорением конвергенции внутреннего спроса; е) цикличностью рыночной конъюнктуры.

Глобализация по определению способствует углублению специализации, которая в свою очередь влечет усиление взаимозависимости. Но в горнодобывающем комплексе этот фактор связан с наличием полезных ископаемых, природными условиями, транспортной доступностью, инвестициями в инфраструктуру и в новейшие капиталоемкие технологии, причем в технологии с длительным периодом окупаемости — в отличие от цифровых.

Увеличение концентрации, которое обусловлено неоднородностью мирового сырьевого комплекса, можно проиллюстрировать разбросом индекса Херфиндаля-Хиршмана (ННІ), рассчитанным для стран-производителей ресурсов⁴. Индекс Херфиндаля-Хиршмана был разработан для измерения степени отраслевой монополизации. Определяется он как сумма квадратов долей стран-производителей в мировом объеме произведенного ресурса.

Проведя сравнительный анализ индекса за 2017–2018 гг., мы выяснили, что по основным ресурсам горнодобывающей промышленности ННІ имел тенденцию к росту. Так, за этот период ННІ для стран-производителей железной руды поднялся на 50 пунктов (с 2008 до 2060), при этом доля Австралии — основного производителя — увеличилась с 34% до 37% мирового

² Особенности процесса глобализации в отраслях и комплексах мировой экономики / Под ред. В. Б. Кондратьева. — М.: ИМЭМО РАН. 2020. — 245 с.

³ Болдуин Р. Великая конвергенция: информационные технологии и Новая глобализация. Экономическая социология. Т. 18. 2017. № 5. С. 40–51.

⁴ Растяникова Е. В. Мировой горнодобывающий комплекс: неравномерность и концентрация стран-производителей // Инновации и инвестиции. 2020. № 10. С. 47–53.

объема⁵. Индекс для стран-производителей хромовой руды поднялся на 40 пунктов (с 2849 до 2889), а доля основного производителя ЮАР — с 48 % до 50 %. ННІ по производителям алюминия возрос на 150 пунктов (с 3172 до 3325), а доля основного производителя Китая — с 55 % до 57 %. Еще более ярко прослеживается эта тенденция на более редких металлах, например, для производителей кобальта ННІ вырос на 1300 пунктов (с 3845 до 5169), а доля Демократической Республики Конго — с 61 % до 72 %. Естественно, пандемия COVID-19 должна была внести свои коррективы, но глобальная линия на увеличение концентрации ведущих стран-производителей на мировом рынке сырья четко прослеживается.

Увеличение концентрации стало универсальным правилом современного этапа глобализации. Рыночные законы действуют таким образом, что страны, отрасли, предприятия с высокой концентрацией производства привлекают более высокие инвестиции, что приводит к еще большему повышению концентрации и к ограничению конкуренции.

Отраслевая неравномерность интернационализации мирового хозяйства проявилась в пятнадцатилетнем отставании масштабного вовлечения сырьевых секторов в современный этап глобализации.

Государственное управление и принятие решений на национальном уровне в условиях нового этапа глобализации оказывает большое воздействие как на принципы включения отдельных отраслей в глобальные цепочки стоимости, так и в целом на акторов международного разделения труда. Например, ограничение экологически грязных производств в Китае привело к росту импорта угля, свинца и др. ресурсов металлургической промышленности. Результатом 14-го пятилетнего плана, нацеленного на повышение благосостояния населения и развитие инфраструктуры, будет рост внутреннего спроса на большинство сырьевых ресурсов, как добывающей промышленности, так и продовольственных. Тем более, что технологии четвертой промышленной революции дают широкие возможности для обновления систем государственного управления⁶.

В парадигме теории «новой глобализации» реанимируется идея «великой конвергенции», которая расширяет понятие конвергенции, введенное Дж. Гэлбрейтом⁷, на развитые и развивающиеся страны. Подпитывает идею «великой конвергенции» сближение экономического роста развитых стран и развивающихся стран (в первую очередь быстроразвивающихся и новых индустриальных стран), которое произошло благодаря кардинальным преобразованиям в коммуникационных технологиях. Этот скачок привел к уменьшению стоимости распространения инноваций и увеличению

⁵ World Mining Data 2020. Vol. 35 / Ed. C. Reichl, M. Schatz. Vienna. 2020. — 265 p.

⁶ Курочкин А. В. Государственное управление в эпоху новой глобализации. ПОЛИТЭК. Том 15. 2019. № 1. С. 77–87.

⁷ Гэлбрейт Дж. К. Экономическая теория и цели общества / Под ред. Н. Н. Иноземцева, А. Г. Милейковского. М.: Прогресс. 1976. — 408 с.

скорости передачи знаний, «ознаменовал начало нового этапа глобализации и послужил причиной перестановок сил на мировой арене»⁸. Также данный переход называют революцией глобальных цепочек стоимости, так как новые знания могут быть мгновенно включены в процесс создания стоимости.

С ростом благосостояния в развивающихся странах происходит ускорение конвергенции внутреннего спроса, которая в рамках глобализации ведет к унификации товаров. Приведем пример изменения структуры спроса в мировом сырьевом комплексе. Массовый переход на электромобили, привел к резкому росту спроса на аккумуляторы по всему миру. Современный бум производства литий-ионных аккумуляторов резко повысил спрос в цветной металлургии на литий и кобальт. В результате за период 2000–2018 гг. производство лития возросло на 596% кобальта — на 265%⁹. Быстрое распространение инновационных технологий производства электромобилей и аккумуляторов привело к унификации спроса на алюминий, литий, кобальт определенного качества. Примером из унификации спроса на продовольственные товары будет служить ТНК Нестле, которая, опираясь на производство сырья на основе контрактного фарминга в различных развивающихся странах, жестко контролирует качество сырья. Т.е. в глобальную цепочку стоимости встроены контроль качества.

Глобализация по своей сути предполагает, что циклическое развитие экономики захватывает все страны мира, хотя все еще присутствуют определенные лаги, т.е. смещение фаз подъема и спада. Ранее уже была описана циклическая активность в мировой энергетике¹⁰, здесь сосредоточимся на динамике рыночной конъюнктуры в области сырьевых ресурсах металлургии и продовольствия.

В циклической динамике мировых цен на железную руду и уголь (основные ресурсы черной металлургии) с начала XXI в. зафиксировано две фазы подъема — в середине 2000-х гг. и в конце 2010 гг., т.е. наблюдается примерно 15-летний цикл (см. рис. 1). Провал графика мировых цен в 2009 г. показывает реакцию мировых цен на финансовый кризис 2008–2009 гг.

Аналогичную циклическую динамику можно проследить по индексу мировых цен на продовольственные товары. Здесь также выявляются два подъема — в середине 2000-х гг. и в начале 2020 г. (см. рис. 2).

Таким образом, даже на основе визуального анализа следует по меньшей мере два вывода: во-первых, в середине 2000-х гг. в мировом сырьевом комплексе новый этап глобализации совпал фазой подъема цикла рыночной конъюнктуры; во-вторых, в настоящее время можно наблюдать

⁸ Болдуин Р. Великая конвергенция: информационные технологии и Новая глобализация. Экономическая социология. Т. 18. 2017. № 5. С. 40–51.

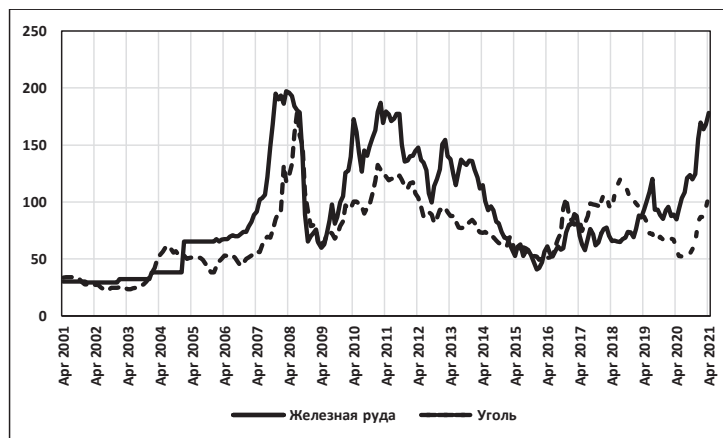
⁹ Экономический рост в странах Востока: тенденции, неравномерность, неравенство социального развития. Книга 1 / Отв. ред. и сост. И. В. Дерюгина. М.: ИВРАН. 2020. С. 88–108.

¹⁰ Растяникова Е. В. Суперциклы на рынке сырьевых ресурсов на примере стран БРИКС. Восточная аналитика. 2017 № 1–2. С. 68–71.

формирование фазы подъема нового цикла, причем на фоне продолжающейся пандемии COVID-19. И самое важное — драйверами циклической активности в XXI в. стала группа быстроразвивающихся стран, и в первую очередь Китай, в отличие от тенденций XX в., когда циклы зарождались в развитых странах, и далее с лагом (не менее 5 лет) распространялись в развивающиеся страны¹¹.

Рисунок 1

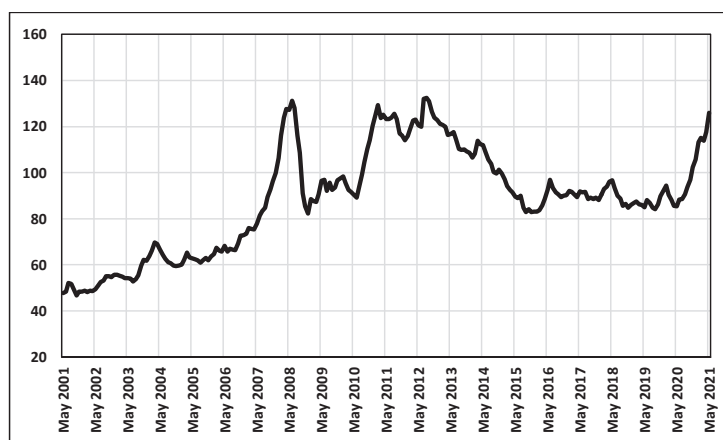
Динамика мировых цен на железную руду и энергетический уголь, долл./тонна



Источник: Index mundi. <https://www.indexmundi.com/commodities/?commodity=iron-ore> (20.07.2021)

Рисунок 2

Индекс мировых цен на продовольственные товары (2005 г. = 100)



Источник: Index mundi. <https://www.indexmundi.com/commodities/?commodity=food-price-index>

¹¹ Растяников В. Г., Дерюгина И. В. Модели сельскохозяйственного роста в XX веке. Индия, Япония, США, Россия, Узбекистан, Казахстан. М.: ИВРАН. — 2004. Глава V.

Высокая концентрация производства в мировом сырьевом комплексе привела к тому, что тренды экономического роста и рыночной конъюнктуры зависят от нескольких стран. Китай, который является главным мировым импортером сырьевых ресурсов, определяет основные параметры мирового рынка. Для примера в Китай в 2019 г. ввозилось 69% от общемирового объема импорта железной руды (включая концентраты), 76% — марганцевых руд, 88% — хромовых руд, 78% — алюминиевых руд, 61% — медных руд, 86% — никелевых руд, 90% кобальтовых руд и 61% — коксующегося угля¹².

Двуединая тенденция — с одной стороны, усиление концентрации, которое является универсальным законом современного этапа глобализации, а, с другой стороны, мировое лидерство Китай в сфере материального производства — в ближайшем будущем будет определять ситуацию в мировом сырьевом комплексе. Так как в перспективе он столкнется с зависимостью от планов Китая, важно проанализировать новый пятилетний план КНР.

Принятый в марте 2021 г. 14-й пятилетний план КНР (2021–2025 гг.) ориентирован на принципиально новую модель развития страны. Некоторые предпосылки этой модели можно было бы разглядеть уже в 13-м пятилетнем плане, но в текущей программе они стали главным вектором социально-экономического развития Китая. Официально документ «Основные положения 14-й пятилетней программы народнохозяйственного и социального развития и перспективных целей развития на период до 2035 г.» был опубликован 13 марта 2021 г. Он состоит из 192 параграфов 65 разделов 19 глав, в которых дается *краткое* описание директивных целей¹³.

Подчеркнем, что 14-й план — это первый социально-ориентированный план, цели которого в предстоящие 15 лет (до 2035 г.) будут сосредоточены на росте благосостояния народа, модернизации экономики, наращивании инвестиционной активности, повышении роли экологической составляющей экономического роста, увеличении устойчивости перед внешними шоками¹⁴.

Преемственность планов КНР устанавливается через построение общества сяокан, которое было одним из главных векторов развития в 13-м пятилетнем плане¹⁵. Считается, что основная его цель — построение *среднезажиточного общества* — на базовом уровне выполнена¹⁶. Достигнув

¹² ITC Trade Map. Trade statistics for international business development: Monthly, quarterly and yearly trade data. Import & export values, volumes, growth rates, market shares, etc. <https://www.trademap.org> (26.02.2021)

¹³ 14-я пятилетняя программа формирует контуры новой архитектуры социально-экономического развития Китая // <https://news.myseldon.com/ru/news/index/249134226> (10.06.2021)

¹⁴ Кашин В. Б., Пятачкова А. С., Смирнова В. А., Литвинов А. А., Поташев Н. А. Китайские эксперты о новом пятилетнем плане КНР. ЦКЕМИ НИУ ВШЭ. 2021. <https://cceis.hse.ru/data/2021/03/29/1386510407/14-я%20пятилетка.pdf> (10.06.2021)

¹⁵ 13-я пятилетка (2016–2020 гг.) — важнейший этап построения в Китае общества малого благоденствия «сяокан» / Отв. ред. А. В. Островский. М.: ИДВ РАН. 2018. 304 с.

¹⁶ Экономический рост в странах Востока: тенденции, неравномерность, неравенство социального развития. Книга 2 / Ответственный редактор и составитель И. В. Дерюгина. М.: ИВРАН, 2020. С. 94–104.

победы над бедностью, Китай в 14 пятилетке планирует расширить средний класс до 500 млн человек. Именно это сообщество должно стать основным драйвером экономического роста¹⁷.

14-й пятилетний план включает в себя 20 показателей из таких 5 категорий, как экономический рост, развитие за счет инноваций, благосостояние народа, экология и энергетика, безопасность¹⁸.

I. Экономический рост. Несмотря на то, что план не устанавливает целевой показатель роста валового внутреннего продукта на 2021–2025 гг., ВВП по-прежнему остается ведущим показателем, подчеркивается, что его среднегодовой рост будет определяться ежегодно «с учетом конкретных обстоятельств». Главным фактором экономического роста должно стать увеличение производительности труда, темпы роста которой должны быть выше темпов ВВП. Планируется повышение степени урбанизации — до 65 % к 2025 г. против 60 % в 2020 г.

II. Инновации. План ставит на первое место среди всех конкретных задач развитие за счет инноваций. Китай впервые в пятилетнем плане выставил рост расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) более 7 % в год. В 2020 г. расходы на фундаментальные исследования составили 6,16 % от общих расходов страны на НИОКР, при этом к 2025 г. расходы на фундаментальные исследования вырастут до 280 млрд юаней (в сопоставимых ценах в 2020 г.)¹⁹. Ожидаемое число патентов в расчете на 10 тыс. человек в 2025 г. должно равняться 12, против 6,3 — в 2020 г. Также будет простимулировано развитие цифровизации, так доля добавленной стоимости в отраслях цифровой экономики должна в итоговом году достигнуть 10 % от национального ВВП.

III. Благосостояние. Оговаривается, что в Китае в период 2021–2025 гг. среднегодовой темп прирост доходов на душу населения должен быть не ниже роста ВВП, а к 2035 г. ожидаемый доход на душу населения достигнет умеренно развитых стран. При заложенной в планах высокой степени урбанизации уровень безработицы городского населения не должен превышать 5,5 %. Одним из *обязательных* трендов развития страны является повышение базового образования — среднее число лет образования должно подняться в 2025 г. до 11,3 года, против 10,8 года в 2020 г. Особое внимание будет уделено улучшению условий обучения в округах со слабой образовательной базой, местах с притоком населения и сельских районах. В стране построят, реконструируют и расширят более 4000 начальных и средних школ, 20 тыс. детских садов. Число мест в детских садах для детей до трех лет на 1000 человек населения к 2025 г. вырастет до 4,5, против 1,8 в 2020 г.,

¹⁷ 14-я пятилетняя программа формирует контуры новой архитектуры социально-экономического развития Китая. <https://news.myseldon.com/ru/news/index/249134226> (15.04.2021)

¹⁸ Основные показатели социально-экономического развития Китая на период 14-й пятилетки. http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/05/content_5590537.htm (05.03.2020)

¹⁹ 14-я пятилетняя программа формирует контуры новой архитектуры социально-экономического развития Китая. <https://news.myseldon.com/ru/news/index/249134226> (15.04.2021)

а общий коэффициент поступления в детские сады составит более 90%. Кроме того, КНР окажет поддержку в строительстве 100 университетов в центральных и западных регионах страны, что позволит поднять общий коэффициент поступления в вузы до 60%.

В период 14-й пятилетки Китай будет продолжать совершенствовать систему медицинского обслуживания, которое главным образом предоставляют государственные медицинские учреждения. На 1000 человек населения должно в 2025 г. приходиться 3,2 лицензированного врача, против 2,9 в 2020 г. Помимо этого, КНР будет в дальнейшем внедрять расчет за лечение по медицинской страховке не только по месту официального местожительства, но и по всей стране, активно продвигать реформу централизованной закупки и использования лекарств и медицинских расходных материалов, а также уменьшать бремя расходов населения на лечение.

Китай создал крупнейшую в мире систему социального обеспечения. В период 14-й пятилетки страна продолжит совершенствовать многоуровневую систему социального обеспечения, осуществлять общенациональное планирование пенсионного страхования по старости. При этом ожидаемый охват населения базовым пенсионным страхованием увеличится в 2025 г. до 95%, против 91% в 2020 г.

IV. Экология и энергетика. Среди указанных ключевых индикаторов к экологии и энергетике непосредственно относятся следующие *обязательные* показатели:

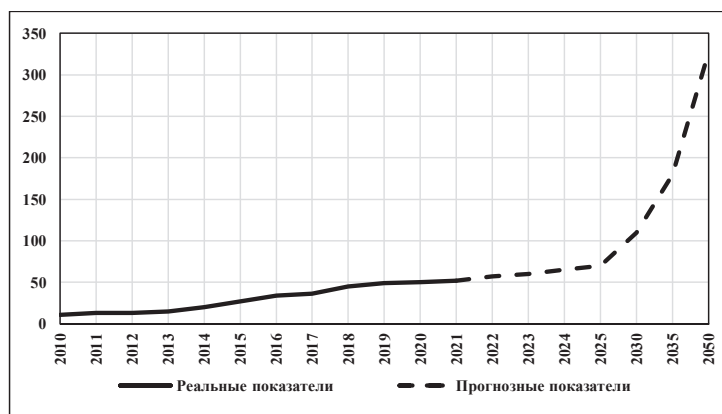
- снижение потребления энергии в расчете на единицу ВВП за весь пятилетний период на 13,5%;
- снижение выбросов CO₂ на единицу ВВП на за пятилетний период 18%;
- увеличение числа дней с хорошим качеством воздуха в городах до 87,5% к 2025 г.;
- увеличение к 2025 г. площади лесов до 24,1% территории страны (против 23,2% в 2020 г.).
- улучшение качества воды класса III и выше до 85%;

Дополнительно оговорены новые цели в области возобновляемых источников энергии, которые не были включены в 14-й пятилетний план. Так, было заявлено, что доля неископаемых ресурсов в общем потреблении энергии составит в 2025 г. 20% против 15,9% в 2020 г., а к 2030 г. мощности солнечной и ветровой энергетики должны достигнуть 1200 ГВт.

В плане также отдельно упоминается атомная энергетика. Её установленная мощность к 2025 г. должна вырасти до 70 ГВт с современных 50 ГВт (см. рис. 3). Все объекты, которые должны быть введены к 2025 г. уже строятся или запланированы. Однако развитие атомной энергетики идёт несколько медленнее, чем прогнозируется.

Рисунок 3

Динамика развития атомной энергетики, ГВт



Источник: Сидорович В. 14-й пятилетний план развития КНР (2021–2025). Основное в области энергетики и климата. <https://renen.ru/14-j-pyatiletnij-plan-razvitiya-knr-2020-2025-osnovnoe-v-oblasti-energetiki-i-klimata/> (09.03.2021)

В то же время пятилетний план допускает возможность роста потребления природного газа, нефти, угля. Он не содержит строгого запрета строительства новых угольных электростанций. Китай планирует продолжать продвигать «чистое и эффективное использование угля», а сокращение выбросов CO₂ планируется стимулировать с помощью ускорения внедрения рыночных механизмов (торговли выбросами), а также внедрения больших налоговых льгот для поддержки низкоуглеродного развития²⁰.

V. Безопасность. Планируемые показатели в категории «безопасность», так же как в категории «экология и энергетика» являются *обязательными*. В первую очередь это касается продовольственной безопасности. Так, производство зерна планируется нарастить к 2025 г. до 650 млн тонн, против 615 млн тонн в 2020 г. Совокупный объем производства энергии в 2025 г. должен быть больше 4,6 млрд тонн угольного эквивалента.

14-й пятилетний план — это первый опыт экономического и технологического противостояния с Западом. Цель — внутреннее развитие, которое призвано стать главной защитой от санкций и внешнего давления. План предполагает формирование новой модели развития — «двойной циркуляции», в которой внутренняя экономика является опорой, а внутренняя и международная экономики дополняют друг друга.

Основная задача — стимулирование внутреннего потребления через урбанизацию и жилищное строительство, поощрение инноваций, призванное снизить зависимость от иностранных технологий. Одним

²⁰ Сидорович В. 14-й пятилетний план развития КНР (2021–2025). Основное в области энергетики и климата. <https://renen.ru/14-j-pyatiletnij-plan-razvitiya-knr-2020-2025-osnovnoe-v-oblasti-energetiki-i-klimata/> (09.03.2021)

из предполагаемых трендов будет рост расходов на оборону в свете противостояния с США.

Следствием всех этих планов станет резкий рост спроса на металлы и сырье для их производства и, соответственно, повышение цен на ресурсы на мировом рынке. Капиталовложения в строительство, автомобильную промышленность и транспортную инфраструктуру потребует увеличение импорта ресурсов металлургической промышленности. Считается, что с середины 2000-х гг. развитие мировой металлургической промышленности определяется «мощным влиянием китайского фактора»²¹. Несмотря на то, что первоначально в планах китайского правительства было сокращение избыточных производственных мощностей в черной металлургии, реальная политика будет состоять в консолидации или поглощении мелких предприятий. Предполагается, что к 2025 г. 60% производства будет сосредоточено в 3–5 крупных компаниях, конкурентоспособных на мировом рынке металлопродукции²². Также в планах правительства КНР экспансия металлургических предприятий и размещение их в Мьянме, Бразилии, Индонезии, Малайзии, Филиппинах. В целом горно-металлургический комплекс страны подвергнется перестройке: во-первых, целью производства станет насыщение внутреннего рынка; во-вторых, часть ресурсов должны оттянуть на себя проекты «Один пояс — один путь», «Полярный шелковый путь», другие международные транспортные проекты; в-третьих, будут реконструированы и модернизированы металлургические предприятия и доменные печи в соответствии с современными экологическими нормами, что потребует строительства новых очистных сооружений. При этом импорт сырья и металлов будет увеличиваться, хотя об этом прямо не заявлено.

Построение среднезажиточного общества в Китае будет базироваться не только на улучшении структуры питания, но и на количественном росте потребления продуктов. С 2000 г. по 2018 г. энергетическая ценность питания выросла с 2808 ккал/чел./день до 3206 ккал/чел./день, потребление мяса — с 44 кг/чел./год до 68 кг/чел./год, потребление рыбы — с 24 кг/чел./год до 38 кг/чел./год²³. Так как в планах Китая присутствует идея достичь по уровню благосостояния умеренно развитых стран, то эти показатели должны еще больше возрасти. В то же время для роста душевого потребления мяса в 1,5 раза за период 2000–2018 гг. потребовалось увеличить импорт соевых кормов с 10,5 млн тонн до 88,6 млн тонн, т.е. почти в 9 раз.

Можно предположить, что в дальнейшем конвергенция внутреннего спроса увеличит присутствие Китая на мировом рынке если не готовых

²¹ Год планеты. Ежегодник. Выпуск 2016. Экономика, политика, безопасность / Под ред. В. Г. Барановского, Э. Г. Соловьева. М.: Идея-пресс. 2016. С. 43.

²² Особенности процесса глобализации в отраслях и комплексах мировой экономики / Под ред. В. Б. Кондратьева. — М.: ИМЭМО РАН. 2020. С. 179.

²³ FAOSTAT. <http://www.fao.org/faostat/en/#data> (27.07.2021)

продуктов, то ресурсов для их производства. Таким образом, 14-й пятилетний план КНР, нацеленный на внутреннее развитие страны, должен усилить процессы глобализации в мировом сырьевом комплексе.

Литература/References

1. Болдуин Р. Великая конвергенция: информационные технологии и Новая глобализация / Пер. с англ. О. Левченко; под ред. А. Белых. — М.: Дело РАНХиГС. 2018. — 416 с.
2. Болдуин Р. Великая конвергенция: информационные технологии и Новая глобализация. Экономическая социология. Т. 18. 2017. № 5. С. 40–51.
3. Год планеты. Ежегодник. Выпуск 2016. Экономика, политика, безопасность / Под ред. В. Г. Барановского, Э. Г. Соловьева. — М: Идея-пресс. 2016. — 336 с.
4. Гэлбрейт Дж. К. Экономическая теория и цели общества / Под ред. Н. Н. Иноземцева, А. Г. Милейковского. — М.: Прогресс. 1976. — 408 с.
5. Кашин В. Б., Пятачкова А. С., Смирнова В. А., Литвинов А. А., Потапов Н. А. Китайские эксперты о новом пятилетнем плане КНР. ЦКЕМИ НИУ ВШЭ. 2021. <https://cceis.hse.ru/data/2021/03/29/1386510407/14-я%20пятилетка.pdf>
6. Курочкин А. В. Государственное управление в эпоху новой глобализации. ПОЛИТЭКС. Том 15. 2019. № 1. С. 77–87.
7. Основные показатели социально-экономического развития Китая на период 14-й пятилетки. http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/05/content_5590537.htm (05.03.2020)
8. Особенности процесса глобализации в отраслях и комплексах мировой экономики / Под ред. В. Б. Кондратьева. — М.: ИМЭМО РАН. 2020. — 245 с.
9. Растянников В. Г., Дерюгина И. В. Модели сельскохозяйственного роста в XX веке. Индия, Япония, США, Россия, Узбекистан, Казахстан. — М.: ИВРАН. — 2004. — 640 с.
10. Растянникова Е. В. Мировой горнодобывающий комплекс: неравномерность и концентрация стран-производителей // Инновации и инвестиции. 2020. № 10. С. 47–53.
11. Растянникова Е. В. Суперциклы на рынке сырьевых ресурсов на примере стран БРИКС. Восточная аналитика. 2017 № 1–2. С. 68–71.
12. Сидорович В. 14-й пятилетний план развития КНР (2021–2025). Основное в области энергетики и климата. <https://renen.ru/14-j-pyatiletnij-plan-razvitiya-kr-2020-2025-osnovnoe-v-oblasti-energetiki-i-klimata/> (09.03.2021)

13. Экономический рост в странах Востока: тенденции, неравномерность, неравенство социального развития. Кн. 1 / Отв. ред. и сост. И. В. Дерюгина.— М.: ИВРАН. 2020.— 280 с.
14. Экономический рост в странах Востока: тенденции, неравномерность, неравенство социального развития. Кн. 2 / Отв. ред. и сост. И. В. Дерюгина.— М.: ИВРАН, 2020.— 288 с.
15. 13-я пятилетка (2016–2020 гг.) — важнейший этап построения в Китае общества малого благоденствия «сяокан» / Отв. ред. А. В. Островский.— М.: ИДВ РАН. 2018.— 304 с.
16. 14-я пятилетняя программа формирует контуры новой архитектуры социально-экономического развития Китая // <https://news.myseldon.com/ru/news/index/249134226>
17. FAOSTAT. <http://www.fao.org/faostat/en/#data>
18. ITC Trade Map. <https://www.trademap.org>
19. World Mining Data 2020. Vol. 35 / Ed. C. Reichl, M. Schatz.— Vienna. 2020.— 265 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Дерюгина Ирина Владимировна — к. э. н., ведущий научный сотрудник ИВ РАН, Москва, Россия; Deryugina Irina — PhD (Economic), Leading Research Fellow, IOS RAS, Moscow, Russia.

Растянникова Елизавета Викторовна — к. э. н., старший научный сотрудник ИВРАН, Москва, Россия. Rastyannikova Elizaveta — PhD (Economic), Senior Research Fellow, IOS RAS, Moscow, Russia.

ЭКОНОМИКА

Научная статья

DOI: 10.31696/2227-5568-2021-02-019-031

**ТОРГОВЫЙ БАЛАНС КАК ФАКТОР МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ДИНАМИКИ КАЗАХСТАНА: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ****Вячеслав Юрьевич Додонов^а**

а – Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики
Казахстан, Нур-Султан 010000, Республика Казахстан

а – dodonovv@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0741-417X

Аннотация. Казахстанская экономика отличается высокой экспортной ориентацией, что предопределяет значительную роль внешней торговли в формировании макроэкономических тенденций. На протяжении длительного периода внешняя торговля была одним из основных драйверов экономического развития Казахстана, однако в последнее время ее роль снижается на фоне сокращения положительного сальдо торгового баланса, что обусловлено уменьшением объема экспорта вследствие снижения нефтяных цен, а также опережающими темпами роста импорта. Сокращение положительного сальдо торгового баланса оказывает давление на счет текущих операций платежного баланса и продуцирует ряд проблем в ключевых сферах экономики. Факторы, определяющие ухудшение ситуации во внешней торговле страны, с высокой степенью вероятности, продолжают действовать в среднесрочной перспективе, что может привести к дальнейшему осложнению процессов социально-экономического развития.

Ключевые слова: сальдо торгового баланса, экспорт, экономический рост, текущий счет, платежный баланс

ECONOMY

Original article

**TRADE BALANCE AS A FACTOR OF MACROECONOMIC DYNAMICS
OF KAZAKHSTAN: TRENDS AND PROSPECTS****Vyacheslav Dodonov^a**

а – Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan,
NurSultan 010000, Republic of Kazakhstan

а – dodonovv@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0741-417X

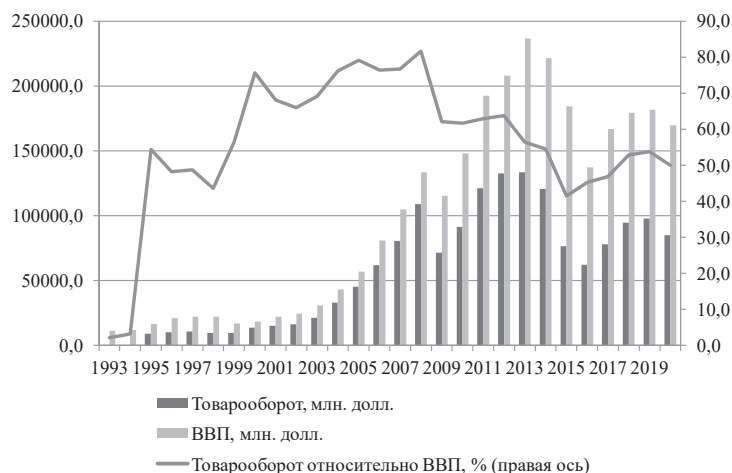
Abstract. The Kazakhstani economy is characterized by a high export orientation, which predetermines the significant role of foreign trade in the formation of macroeconomic trends. For a long period, foreign trade was one of the main drivers of economic development of Kazakhstan, but recently its role has been decreasing against the background of a reduction in the trade surplus consequently to a decrease in export volumes due to oil prices decline, as well as outstripping growth of import. The contraction in the trade surplus puts pressure on the current account of the balance of payments and generates a number of problems in key areas of the economy. The factors that determine the deterioration of the situation in the country's foreign trade, with a high degree of probability, will continue to operate in the medium term, which may lead to a further complication of the processes of socio-economic development.

Keywords: balance of trade, export, economic growth, current account, balance of payment

Казахстанская экономика отличается высоким уровнем экспортной ориентации, что обуславливает и значительную роль внешней торговли в социально-экономическом развитии страны. Эта роль на протяжении длительного времени повышалась, о чем свидетельствует динамика объема внешнеторгового оборота и соотношения данного показателя с ВВП Казахстана (рис. 1).

Рисунок 1

Значение внешней торговли для экономики Казахстана



Источник: Основные социально-экономические показатели Республики Казахстан. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан Бюро национальной статистики, 2021. URL: <https://stat.gov.kz/official/dynamic> (дата обращения: 4.05.2021).

Представленные на рисунке 1 графики внешнеторгового оборота и ВВП демонстрируют практически идентичную траекторию, а их тесная взаимосвязь также подтверждается и высоким значением коэффициента корреляции, который за период 1993–2020 годов составляет 0,96. Также можно отметить, что соотношение объема внешней торговли и ВВП на протяжении большей части из последних тридцати лет находилось в интервале 50–80%, превышающем его уровни как для мира и отдельных групп стран, к которым относится Казахстан, так и для многих крупных экономик, включая экспортно-ориентированные. Так, соотношение товарооборота и ВВП Казахстана в 2019 году (53,8%) было выше, чем в среднем в мире (43,8%), в Азии (45,6%), Центральной Азии (50,9%), развивающихся экономиках Азии (49%), СНГ (45%). Также это соотношение превышало аналогичный показатель таких отдельных стран, как Китай (31,9%), Япония (28,1%), Россия (39,8%), Саудовская Аравия (52,3%), и большинство государств ЕС¹. Это также

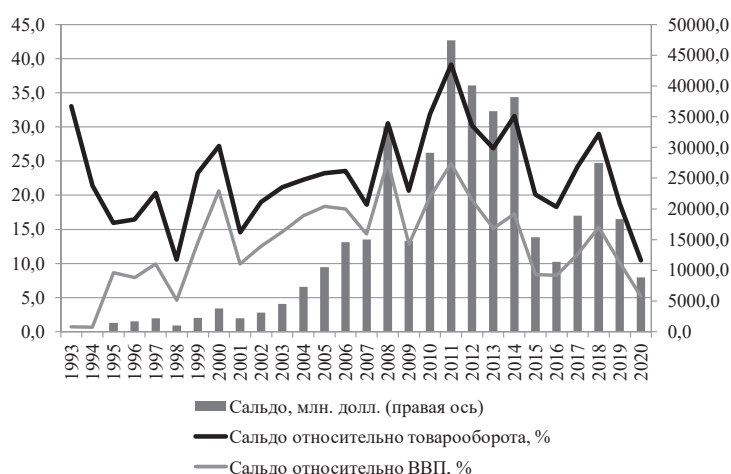
¹ Gross domestic product: Total and per capita, current and constant (2015) prices, annual. UNCTADStat datacenter. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> Merchandise: Total trade and share, annual. UNCTADStat datacenter. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=101>

подтверждает более высокую значимость внешней торговли для экономического развития Казахстана по сравнению с другими странами.

Отличительной особенностью внешней торговли Казахстана товарами является ее профицитность, то есть, положительное сальдо торгового баланса. Казахстанский товарный экспорт всегда превышал импорт товаров, а положительное сальдо внешней торговли было достаточно значительным (рис. 2). По торговле услугами ситуация, как правило, была обратной, что в отдельные годы уводило в минус общий баланс торговли товарами и услугами, но, так как товарный товарооборот значительно превышал внешнюю торговлю услугами, роль последних в балансе, как правило, была невелика и не меняла общую ситуацию с профицитом внешней торговли.

Рисунок 2

Динамика абсолютного и относительных объемов сальдо внешней торговли Казахстана



Источник: Основные социально-экономические показатели Республики Казахстан. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан Бюро национальной статистики, 2021. URL: <https://stat.gov.kz/official/dynamic> (дата обращения: 4.05.2021).

Положительное сальдо торгового баланса достигло пика в первой половине 10-х годов XXI века на фоне рекордных цен на нефть — основного экспортного товара Казахстана. В 2011–2014 годах его объем составлял 35–47 млрд долл. Относительные параметры сальдо торгового баланса (его соотношение с товарооборотом и с ВВП) на протяжении большей части последних тридцати лет также были достаточно велики. Так, среднее значение положительного сальдо торгового баланса относительно объема товарооборота в период 1993–2020 годов составило 23%, а относительно ВВП — 13%.

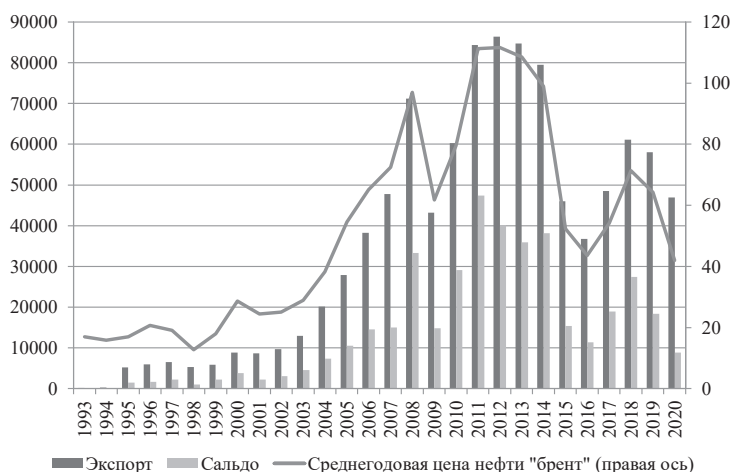
В то же время, как видно из графиков рисунка 2, в последние годы ситуация заметно ухудшилась и, как абсолютный объем, так и относительные

параметры сальдо торгового баланса резко снижаются. По итогам 2020 года абсолютный объем этого показателя сократился до уровня 15-летней давности, соотношение сальдо и ВВП вернулось к значениям 90-х годов, а соотношение сальдо и товарооборота установило абсолютный минимум за всю историю на уровне 10,4%. В 2020 году, также впервые с 90-х годов в одном из кварталов (в третьем) было зафиксировано отрицательное сальдо внешней торговли.

Основная причина ухудшения ситуации очевидна, это снижение цен на нефть, основной экспортный товар Казахстана, доля которого в структуре экспорта в последние годы, в зависимости от цены, составляла 60–75%. Повышение нефтяных цен (а также, до 2010 года, интенсивное увеличение объемов нефтедобычи) обеспечивало рост, как экспорта, так и положительного сальдо торгового баланса, а их снижение оказывало противоположный эффект (рис. 3). Динамика обоих этих показателей очень близка к динамике нефтяных цен, а коэффициент корреляции и экспорта, и сальдо внешней торговли с ценами на нефть одинаково высок и составляет 0,97 за период 1993–2020 годов.

Рисунок 3

Сравнительная динамика цен на нефть и объемов экспорта и сальдо внешней торговли Казахстана, млн долл.



Источники: Основные социально-экономические показатели Республики Казахстан. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан Бюро национальной статистики, 2021. URL: <https://stat.gov.kz/official/dynamic> (дата обращения: 4.05.2021); Europe Brent Spot Price FOB. U. S. Energy Information Administration. URL: <https://www.eia.gov/dnav/pet/hist/LeafHandler.ashx?n=PET&s=RB RTE&f=A> (дата обращения: 4.05.2021).

Другим фактором сокращения положительного сальдо внешней торговли является опережающая динамика импорта в XXI веке. Импорт в Казахстан растет быстрее, чем экспорт из страны. Даже в кризисном 2020 году

объем импорта составил 38 млрд долл.,² что выше уровня 2011 года, когда средняя цена нефти была выше 110 долл. Объем импорта в 2020 году вырос относительно уровня 2005 года (в котором была примерно такая же цена нефти) в 2,2 раза, а объем экспорта за тот же период — всего в 1,7 раза. Опережающий рост импорта также предопределяет постоянное сокращение положительного сальдо внешней торговли. Рост импорта обусловлен рядом факторов — от увеличения численности населения и роста его спроса на импортные товары (с 2004 по 2020 годы численность населения Казахстана выросла на 3,7 млн чел., или на 24%) — до реализации масштабных инвестиционных проектов, для которых требуется импортировать разного рода инвестиционные товары.

Факторы, обуславливающие сокращение положительного сальдо внешней торговли, с высокой степенью вероятности продолжают действовать в среднесрочной перспективе, продолжая тенденцию ухудшения торгового баланса последнего десятилетия. Таким образом, Казахстан сталкивается с новой реальностью в сфере внешней торговли, без традиционно высокого уровня ее профицитности, с низким и приближающимся к нулю положительным торговым балансом и растущей вероятностью его ухода в отрицательную зону. Данная ситуация создает ряд вызовов для стабильности экономического развития по линии макроэкономической динамики и устойчивости платежного баланса.

Взаимосвязь торгового баланса и экономического роста достаточно широко исследована в ряде работ, которые рассматривали различные аспекты влияния внешней торговли на экономику. В ряде работ было выявлено собственно наличие взаимосвязи между параметрами внешней торговли и экономического роста³. Многие авторы выделяли положительную роль экспорта в формировании импульса для роста, то есть, была установлена положительная роль профицита торгового баланса в экономическом развитии⁴. Другие авторы, напротив, концентрировались на наличии негативных последствий для экономики дефицита торгового баланса⁵. Также

² Основные социально-экономические показатели Республики Казахстан. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан Бюро национальной статистики, 2021. URL: <https://stat.gov.kz/official/dynamic> (дата обращения: 4.05.2021).

³ A. Thirlwall. The balance of payments constraint as an explanation of the international growth rate differences. *PSL Quarterly Review* 32, 1979. Pp. 45–53. Гичиев Н. С., Закариева М. Н., Гичиев А. Н. Влияние внешней торговли на экономический рост: теоретический и методологический аспект. Вопросы структуризации экономики. 2019. № 1. С. 38–44; Саргсян Л. Н. Влияние внешней торговли и прямых иностранных инвестиций на экономический рост страны (на примере стран СНГ. Региональные проблемы преобразования экономики. 2018. № 4 (90). С. 91–99

⁴ J. S. L. McCombie, Economic Growth, Trade Interlinkages, and the Balance-of-Payments Constraint. *Journal of Post Keynesian Economics*, vol. 15, no. 4, 1993, pp. 471–505. JSTOR, www.jstor.org/stable/4538361. Accessed 21 May 2021; D. Blavasciunaite, L. Garsviene, K. Matuzeviciute. Trade Balance Effects on Economic Growth: Evidence from European Union Countries. *Economies*, 2020, 8, 54. pp. 2–15.

⁵ D. Gould, R. Ruffin. Trade Deficits: Causes and Consequences. *Economic Review*. Fourth Quarter 1996. Federal Reserve Bank of Dallas, pp. 10–20; P. Hong. Global Implications of the United States Trade Deficit Adjustment. *DESA Discussion Paper No. 17*, 2001. pp. 1–12; L. Michelis, G. Zestos. Exports, imports and GDP growth: Causal relations in six European Union countries. *The Journal of Economic Asymmetries* 1, 2004. pp. 71–85.

предпринимались многочисленные попытки количественной оценки влияния сальдо внешней торговли на отдельные сферы экономики — от динамики экономического роста до параметров платежного баланса и потоков капитала⁶. В целом, результаты, как классических работ по экономике современного типа, опубликованных с 60–70-х годов XX века, так и новейших исследований подтверждают наличие взаимосвязи между торговым балансом и ключевыми параметрами экономического развития и положительное влияние его профицита (и наоборот, негативное влияние дефицита) и на экономический рост, и на другие сферы.

Влияние торгового баланса на макроэкономические параметры оказывается по линии размера и роста ВВП, поскольку ВВП, рассчитываемый по методу конечного использования, включает в себя и такой значимый компонент, как чистый экспорт товаров и услуг. В Казахстане в отдельные годы этот компонент занимал весьма значительную долю в структуре ВВП, достигая 15–20%. Это были именно те годы, когда положительное сальдо внешней торговли Казахстана было максимальным — 2008, 2011, 2012, 2014. В годы же, когда сальдо внешней торговли резко сокращалось вследствие снижения объемов экспорта, падал и удельный вес чистого экспорта в ВВП по конечному использованию, а также размер ВВП в долларовом исчислении и динамика его изменения. Такая ситуация наблюдалась в годы мировых финансовых кризисов и резкого снижения цен на нефть, в частности, в 2009 году (когда доля чистого экспорта в ВВП сократилась до 7,9% с 20% в предыдущем году) и в 2015–2016 годах (когда этот показатель опускался до 4 и 3,3% соответственно). Эти годы резкого падения доли чистого экспорта в ВВП характеризовались и минимальными в XXI веке показателями роста ВВП Казахстана в размере 1,1–1,2%⁷. Взаимосвязь изменения профицита внешней торговли Казахстана и изменения долларового объема ВВП наглядно демонстрирует сравнительная динамика этих двух показателей в течение последних десятилетий (рис. 4).

Приведенные графики иллюстрируют наличие взаимосвязи между изменением сальдо внешней торговли и изменением долларового объема ВВП на протяжении большей части периода, что выражается, в частности, в однонаправленном изменении этих показателей в течение 16 лет из 21. При этом в отдельные годы, когда изменения торгового баланса были особенно значительными, изменение размера ВВП имело сопоставимые

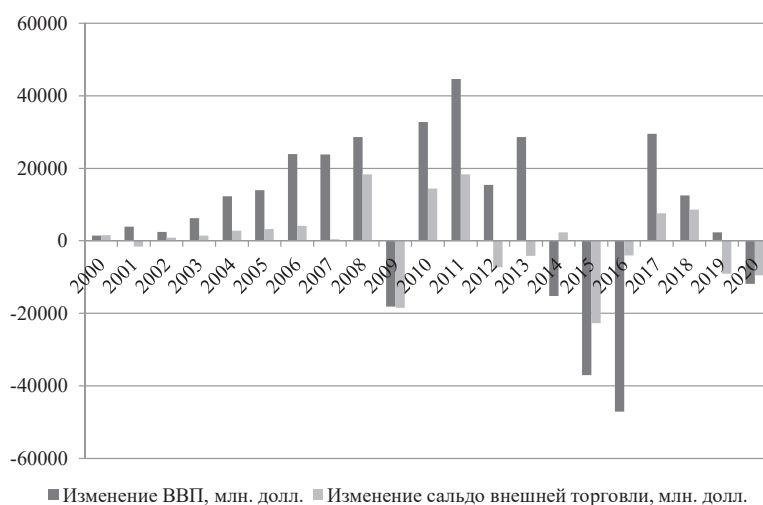
⁶ Godley, Wynne, Interim Report: Notes on the U. S. Trade and Balance of Payments Deficits, Strategic Analysis Series 2000, and Seven Unsustainable Process, 1999, The Jerome Levy Economics Institute; C. Garcimartin, K. Virmantas, R. Luis. Business cycles in a balance-of-payments constrained growth framework. *Economic Modelling*, 57, 2016. Pp. 120–32; D. Alleyne, A. Francis. Balance of payments-constrained growth in developing countries: A theoretical perspective. *Metroeconomica*, 2008, 59. Pp. 189–202; Степанов Е. А. Внешняя торговля как фактор экономического роста национальной экономики. *Экономика, управление и инвестиции*. 2013. № 1 (1). С. 45–61

⁷ Структура ВВП методом конечного использования. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан Бюро национальной статистики, 2021. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/11/statistic/8> (дата обращения: 4.05.2021).

значения, а соотношение этих двух показателей превышало 50% (2000, 2008–2009, 2015, 2018, 2020 годы). То есть, в годы сильных колебаний на мировых рынках зависимость ВВП Казахстана (во всяком случае, его валютного эквивалента) от изменения сальдо торгового баланса усиливалась.

Рисунок 4

Сравнительная динамика изменения сальдо торгового баланса и долларового объема ВВП Казахстана



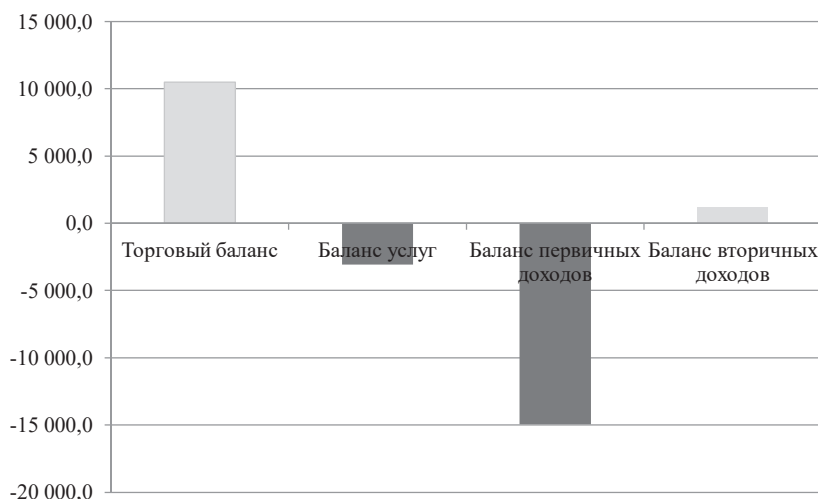
Источник: Структура ВВП методом конечного использования. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан Бюро национальной статистики, 2021. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/11/statistic/8> (дата обращения: 4.05.2021).

Наличие этой зависимости свидетельствует о том, что в случае дальнейшего сокращения положительного сальдо внешней торговли будет также замедляться и динамика роста ВВП, как минимум, его валютного объема, а роль внешней торговли и, в частности, экспорта в макроэкономической динамике будет нивелироваться.

Вызовы, возникающие вследствие сокращения профицита внешней торговли по линии платежного баланса, различны и являются следствием растущего дефицита текущего счета платежного баланса. В Казахстане двумя крупнейшими статьями текущего счета являются торговый баланс и баланс первичных доходов. При этом баланс первичных доходов, который формируется преимущественно доходами к выплате от прямых иностранных инвестиций, неизменно отрицателен (так как иностранные инвесторы получают большие объемы доходов, которые выводятся из страны), а торговый баланс — положителен (рис. 5). То есть, положительное сальдо внешней торговли является фактором стабилизации текущего счета и единственной крупной профицитной его статьей.

Рисунок 5

Торговый баланс и другие статьи текущего счета платежного баланса Казахстана по итогам 2020 года, млн долл.



Источник: Предварительная оценка платежного баланса РК за 1 квартал 2021 года. Национальный банк Казахстана. URL: <https://nationalbank.kz/ru/news/platezhnyy-balans-vn-sektora> (дата обращения: 11.05.2021).

Тем не менее, профицит торгового баланса в последние годы недостаточно велик для того, чтобы перекрывать дефицит по другим статьям, прежде всего, по балансу первичных доходов и по балансу услуг. Начиная с 2015 года, в котором произошло резкое сокращение положительного сальдо торгового баланса вследствие падения нефтяных цен, текущий счет стал отрицательным, поскольку профицит торгового баланса был меньше совокупного дефицита баланса первичных доходов и баланса услуг (рис. 6). Эта ситуация является более типичной для казахстанского текущего счета, чем его положительное сальдо, которое за последние пятнадцать лет фиксировалось только в годы аномально высоких цен на нефть (2008, 2010–2014).

Проблема, связанная с дефицитом текущего счета на фоне снижения сальдо внешней торговли, заключается не столько в его наличии как таковом, сколько в прогрессирующем увеличении его размера даже при сохранении положительного торгового баланса. Представленные на рисунке 6 данные демонстрируют, что последние годы дефицит текущего счета был близок к максимальным значениям (6–8 млрд долл.) несмотря на то, что сальдо торгового баланса было не столь низким. Так, в период 2015–2020 годов среднее значение положительного сальдо торгового баланса составило 15,3 млрд долл., а средний размер дефицита текущего счета при этом сложился на уровне 5,5 млрд долл. Десятилетием ранее, в 2005–2010 годах средняя величина торгового баланса была несколько выше, на уровне 19,6 млрд долл., но средний размер дефицита текущего счета

был в разы меньше, на уровне 1,3 млрд долл. То есть, ситуация ухудшается и наблюдается тенденция снижения способности положительного торгового баланса компенсировать дефицит других статей текущего счета. Это значит, что дальнейшее сокращение сальдо внешней торговли будет сопровождаться ростом дефицита текущего счета с выходом на новые исторические максимумы уже в перспективе ближайших лет, и это станет одной из важных особенностей функционирования казахстанской экономики в новых условиях.

Рисунок 6

Динамика текущего счета платежного баланса и его основных компонентов, млн долл.



Источник: Платежный баланс Республики Казахстан. Национальный банк Казахстана. URL: <https://nationalbank.kz/ru/news/platezhnyy-balans-vn-sektora> (дата обращения: 11.05.2021).

Рост дефицитности текущего счета имеет различные последствия, но наиболее выраженно проявляется на внутреннем валютном рынке, что демонстрирует как мировая практика, так и казахстанский опыт. В Казахстане годы, когда наблюдался высокий уровень дефицита текущего счета, характеризовались либо заметным снижением курса тенге, либо крупными интервенциями Национального банка на внутреннем валютном рынке с целью предотвращения девальвации (рис. 7). В отдельные годы девальвация тенге происходила на фоне интервенций, которых было недостаточно для нейтрализации давления на курс (2009, 2015, 2020).

Сравнительная динамика счета текущих операций, объема интервенций Национального банка на валютном рынке и курса доллара США к тенге



Источники: Международные резервы и активы Национального фонда РК. Национальный банк Казахстана. URL: <https://nationalbank.kz/ru/international-reserve-and-asset/mezhdunarodnye-rezervy-i-aktivy-nacionalnogo-fonda-rk>; Основные социально-экономические показатели Республики Казахстан. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан Бюро национальной статистики, 2021. URL: <https://stat.gov.kz/official/dynamic> (дата обращения: 4.05.2021); Ежемесячные данные по интервенциям НБК на внутреннем валютном рынке. Национальный банк Казахстана (старая версия сайта). URL: <https://old.nationalbank.kz/?docid=3275&switch=russian> (дата обращения: 12.05.2021).

Таким образом, высокий уровень дефицита текущего счета в условиях Казахстана обуславливает снижение курса тенге, либо необходимость расходования значительных резервов Национального банка на интервенции для предотвращения этого снижения. В свою очередь, снижение курса тенге имеет широкий спектр негативных последствий, как для экономической стабильности, так и для социальной сферы, включая сокращение реальных доходов населения и его покупательской способности в отношении импортных товаров, ухудшение финансового положения многих субъектов хозяйствования, особенно, связанных с внешнеэкономической деятельностью, замедление динамики отраслей, ориентированных на импорт (торговля, машиностроение, туризм), обострение проблемы обслуживания внешнего долга корпоративным и государственным секторами и пр. То есть, проблема сокращения положительного сальдо внешней торговли имеет широкий спектр негативных последствий, проявляющихся через увеличение дефицита счета текущих операций и возникающие по этой причине финансовые дисбалансы.

Данные проблемы, в соответствии с выделенными выше тенденциями ухудшения ситуации с торговым балансом и с текущим счетом, будут усиливаться, как минимум, в среднесрочной перспективе. Исходя из того, какое влияние они оказывали в течение предыдущих лет, можно прогнозировать последствия их сохранения на следующие пять лет в определенном коридоре ключевых макроэкономических индикаторов (таб. 1).

Таблица 1

Изменение средних за период значений основных показателей социально-экономического развития в 2010–2020 гг. и прогноз их значений до 2025 г.

	2010–2014 гг.	2015–2020 гг.	Изменение, %	2021–2025 гг. (прогноз)
Сальдо внешней торговли, млн долл.	37152	15304	-58,8	11000–13000
Счет текущих операций, млн долл.	4380	-5477	-	-7000 -9000
ВВП, млн долл.	201347	169885	-15,6	155000–180000
ВВП, рост, %	5,9	2,1	-65,2	2–3
ВВП на душу населения, долл.	11958	9359	-21,7	8000–9000
Среднегодовой обменный курс доллара США	155	338	118,5	500–600
Средняя заработная плата, долл. США	642	487	-24,1	400–500
Рост реальных денежных доходов населения, %	5,7	2,9	-49,1	2–3

Источники: Основные социально-экономические показатели Республики Казахстан. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан Бюро национальной статистики, 2021. URL: <https://stat.gov.kz/official/dynamic> (дата обращения: 4.05.2021); Платежный баланс Республики Казахстан. Национальный банк Казахстана. URL: <https://nationalbank.kz/ru/news/platzhnyy-balans-vn-sektora> (дата обращения: 11.05.2021).

В таблице приведены данные по изменению средних за указанные периоды значений сальдо внешней торговли, обусловленного им счета текущих операций платежного баланса, а также тех показателей, которые в значительной мере зависят от этих параметров. Поскольку внешняя торговля и платежный баланс рассчитываются в долларах США, и другие показатели в таблице также приведены в американской валюте, что позволяет сопоставить их динамику с динамикой показателей внешнего сектора. Представленные данные демонстрируют сходные траектории изменения торгового баланса и текущего счета, с одной стороны, и макроэкономических и социальных показателей — с другой, что подтверждает зависимость основных параметров социально-экономического развития от ситуации с сальдо внешней торговли и текущим счетом платежного баланса. Негативные изменения, произошедшие в течение 2010–2020 годов в динамике большинства показателей, представленных в таб. 1, в значительной мере стали следствием ухудшения ситуации в платежном балансе, вызванным значительным (в 2,5 раза) сокращением профицита торгового баланса, эффект от которого распространился на большинство ключевых сфер экономики.

Учитывая текущие тенденции с показателями внешнего сектора, можно прогнозировать дальнейшее осложнение ситуации в перспективе следующих пяти лет, хотя и значительно меньшими темпами, чем в период 2010–2020 гг. По большинству рассмотренных показателей ситуация в 2025 г., вероятно, будет хуже, чем в период 2015–2020 гг. (за исключением показателей роста

ВВП и реальных доходов населения, которые рассчитываются в тенге). Соответствующие экономические условия закрепят новую экономическую реальность, которая формировалась в период 2015–2020 гг., основными особенностями которой станут низкие темпы роста, стагнация доходов населения, ухудшение позиций Казахстана при международных сопоставлениях, осуществляемых в долларовых показателях, а также ряд неблагоприятных последствий для финансовой стабильности — от постоянного снижения курса тенге до возрастающей разбалансированности государственных финансов.

Литература/References

1. Основные социально-экономические показатели Республики Казахстан. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан Бюро национальной статистики, 2021. URL: <https://stat.gov.kz/official/dynamic> (дата обращения: 4.05.2021).
2. Gross domestic product: Total and per capita, current and constant (2015) prices, annual. UNCTADStat datacenter. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/tableView.aspx> Merchandise: Total trade and share, annual. UNCTADStat datacenter. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/tableView.aspx?ReportId=101>.
3. Europe Brent Spot Price FOB. U. S. Energy Information Administration. URL: <https://www.eia.gov/dnav/pet/hist/LeafHandler.ashx?n=PET&s=RBRT&f=A> (дата обращения: 4.05.2021).
4. A. Thirlwall. The balance of payments constraint as an explanation of the international growth rate differences. *PSL Quarterly Review* 32, 1979. P. 45–53.
5. Гичиев Н. С., Закариева М. Н., Гичиев А. Н. Влияние внешней торговли на экономический рост: теоретический и методологический аспект. *Вопросы структуризации экономики*. 2019. № 1. С. 38–44.
6. Саргсян Л. Н. Влияние внешней торговли и прямых иностранных инвестиций на экономический рост страны (на примере стран СНГ). *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2018. № 4 (90). С. 91–99.
7. J. S. L. McCombie, Economic Growth, Trade Interlinkages, and the Balance-of-Payments Constraint. *Journal of Post Keynesian Economics*, vol. 15, no. 4, 1993. P. 471–505. JSTOR, www.jstor.org/stable/4538361. Accessed 21 May 2021.
8. D. Blavasciunaite, L. Garsviene, K. Matuzeviciute. Trade Balance Effects on Economic Growth: Evidence from European Union Countries. *Economies*, 2020, 8, 54. P. 2–15.
9. D. Gould, R. Ruffin. Trade Deficits: Causes and Consequences. *Economic Review*. Fourth Quarter 1996. Federal Reserve Bank of Dallas. P. 10–20.
10. P. Hong. Global Implications of the United States Trade Deficit Adjustment. *DESA Discussion Paper No. 17*, 2001. P. 1–12.

11. L. Michelis, G. Zestos. Exports, imports and GDP growth: Causal relations in six European Union countries. *The Journal of Economic Asymmetries* 1, 2004. P. 71–85.
12. Godley, Wynne, Interim Report: Notes on the U. S. Trade and Balance of Payments Deficits, Strategic Analysis Series 2000, and Seven Unsustainable Process, 1999, The Jerome Levy Economics Institute.
13. C. Garcimartin, K. Virmantas, R. Luis. Business cycles in a balance-of-payments constrained growth framework. *Economic Modelling*, 57, 2016. P. 120–32.
14. D. Alleyne, A. Francis. Balance of payments-constrained growth in developing countries: A theoretical perspective. *Metroeconomica*, 2008, 59. P. 189–202.
15. Степанов Е. А. Внешняя торговля как фактор экономического роста национальной экономики. *Экономика, управление и инвестиции*. 2013. № 1 (1). С. 45–61.
16. Структура ВВП методом конечного использования. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан Бюро национальной статистики, 2021. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/11/statistic/8> (дата обращения: 4.05.2021).
17. Предварительная оценка платежного баланса РК за за 1 квартал 2021 года. Национальный банк Казахстана. URL: <https://nationalbank.kz/ru/news/platezhnyy-balans-vn-sektora> (дата обращения: 11.05.2021).
18. Платежный баланс Республики Казахстан. Национальный банк Казахстана. URL: <https://nationalbank.kz/ru/news/platezhnyy-balans-vn-sektora> (дата обращения: 11.05.2021).
19. Международные резервы и активы Национального фонда РК. Национальный банк Казахстана. URL: <https://nationalbank.kz/ru/international-reserve-and-asset/mezhdunarodnye-rezervy-i-aktivy-nacionalnogo-fonda-rk>.
20. Ежемесячные данные по интервенциям НБРК на внутреннем валютном рынке. Национальный банк Казахстана (старая версия сайта). URL: <https://old.nationalbank.kz/?docid=3275&switch=russian> (дата обращения: 12.05.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Додонов Вячеслав Юрьевич – д. э. н., главный научный сотрудник, Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, Нур-Султан 010000, Республика Казахстан.

Dodonov Vyacheslav – PhD (Economics), Chief Researcher, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, NurSultan 010000, Republic of Kazakhstan.

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ АВСТРАЛИЙСКОГО СОЮЗА И КНР В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Артём Алексеевич Гарин ^а

а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

а – garinartyomalexeevich@gmail.com, ORCID: 0000-0003-4677-7221

Аннотация. Австралия успешно сочетает в себе уникальное геополитическое положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и экономический потенциал. При этом рост торговой зависимости Пятого континента от Китайской Народной Республики (КНР) с каждым годом всё больше сказывается на внешней политике Канберры. Факт обострения американо-китайских отношений также привел к напряженности Австралий и КНР. В 2020 г. разразилась пандемия COVID-19, повлекшая негативные последствия для мировой экономики, а между двумя государствами началась торговая война. В начале 2021 г. Китай также заявил о приостановке своего участия в Стратегическом экономическом диалоге с Австралией на неопределенный срок. Все вышеперечисленные события придают исследованиям торгово-экономических отношений Австралии и КНР большую практическую направленность, в том числе позволяют более конкретно выявить степень зависимости экономики Пятого континента от положения дел в Китае и градуса отношений с Пекином. В данной статье рассматриваются последствия приостановки Китайско-австралийского стратегического диалога, в частности дальнейшие перспективы соглашения о свободной торговле между двумя странами. Особое внимание уделено влиянию темпов экономического роста КНР на австралийскую экономику. Вместе с тем автор приводит описание торгово-экономических стратегий Австралии как средней державы с учетом ответной реакции Канберры на трансформацию региональной архитектуры в АТР. Положения и выводы, приведенных в данной статье, основаны на изучении работ ведущих международных исследователей, специализирующихся на вопросах внешней политики и экономики Австралии, а также китайско-австралийских отношениях.

Ключевые слова: Австралия, КНР, торговля, экономика, COVID-19, средние державы, Азиатско-Тихоокеанский регион

ECONOMY

Original article

THE FEATURES OF MODERN SINO-AUSTRALIAN TRADE AND ECONOMIC RELATION IN THE CONTEXT OF CHANGING ASIA-PACIFIC

Artyom Garin ^а

а – IOS RAS, Moscow, Russia

а – garinartyomalexeevich@gmail.com, ORCID: 0000-0003-4677-7221

Abstract: Australia successfully combines a unique geopolitical position in the Asia-Pacific, as well as economic potential. At the same time, the emerging trade dependence of the Fifth Continent on the People's Republic of China (PRC) is increasingly affecting Canberra's foreign policy year by

year. The aggravation of Sino-U.S. relations has also led to tension between Australia and China. In 2020, the world faced the COVID-19 pandemic, which caused negative impacts on the global economy, and trade tensions began between the two states. In early 2021 Beijing also suspended all activity under the China-Australia Strategic Economic Dialogue for an indefinite period. All these events give the research of trade and economic relations between Australia and the PRC a great practical focus, including allowing us to more specifically identify the degree of dependence of the economy of the Fifth Continent on the situation in China or the degree of Sino-Australian relation. This article examines the consequences of the suspension China-Australia Strategic Economic Dialogue, in particular, its impact on the future prospects for the Free Trade Agreement (FTA) between the two countries. Special attention is paid to the impact of China's economic growth rates on the Australian economy. At the same time, the author aggregates the trade and economic strategies of Australia as a middle power, considering Canberra's response to the transformation of the regional architecture in the Asia-Pacific. The provisions and conclusions presented in this article are based on the study of the works of leading international researchers specializing in foreign policy and economic issues of Australia, as well as Sino-Australian relations.

Keywords: Australia, China, trade, economy, COVID-19, middle powers, Asia-Pacific

По мере обострения отношений между Соединенными Штатами и Китайской Народной Республикой (КНР), Австралия также претерпевает период турбулентности, в особенности во взаимодействии со своим главным торговым партнером на протяжении последних 14-ти лет — Китаем. Благодаря сотрудничеству с крупнейшей экономикой мира Австралия стала одним из ведущих экспортеров природных ресурсов, а также популярным туристическим и образовательным направлением. По итогам 2020 г. австралийско-китайский торговый оборот вновь продемонстрировал рост и составил 161 млрд долл. США¹, однако тесные торгово-экономические связи уже не один год являются причиной дискуссий об экономической зависимости Пятого континента от КНР.

Период 2020–2021 гг. стал настоящим испытанием для австралийско-китайских отношений. В 2020 г. разразилась пандемия COVID-19, повлекшая негативные последствия для мировой экономики, а между двумя государствами началась торговая война. В ответ на инициированное Канберрой международное расследование, касающееся источника происхождения коронавирусной инфекции, равно как и на расследования Австралийской антидемпинговой комиссии в отношении китайского экспорта, а также «особое» отношение к китайским инвесторам, Пекин ввел ряд ограничений на импорт из Австралии угля, древесины, зерна, вина, морепродуктов и др.

В начале 2021 года, на фоне напряженности в двусторонних отношениях, Китай заявил о приостановке своего участия в Стратегическом экономическом диалоге² с Австралией на неопределенный срок. Причиной приостановки стало аннулирование Канберрой меморандума

¹ UN Comtrade Database. URL: <https://comtrade.un.org/data/> (дата обращения: 25.08.2021)

² Китайско-австралийский стратегический экономический диалог (China-Australia Strategic Economic Dialogue) — двусторонняя площадка, охватывающая экономическое и инвестиционное направления, а также вопросы укрепления экономических связей Австралии и КНР. Последний раунд прошел в сентябре 2017 г.

между австралийским штатом Виктория и КНР об участии в инициативе «Пояс и путь». Все вышеперечисленные события придают исследованиям торгово-экономических отношений Австралии и КНР большую практическую направленность, в том числе позволяют более конкретно выявить степень зависимости экономики Пятого континента от положения дел в Китае и градуса отношений с Пекином.

Во-первых, приостановка участия КНР в Стратегическом экономическом диалоге с Австралией вызвала опасения прессы, экспертных и правящих кругов, что под ударом может оказаться Китайско-австралийское соглашение о свободной торговле (China-Australia Free Trade Agreement, ChAFTA). Однако для подтверждения или опровержения этой гипотезы, необходимо выявить практическое влияние ChAFTA на торговые отношения двух стран.

Еще в 2003 г., в связи с быстрым ростом торговли между двумя государствами, Канберра и Пекин создали совместную исследовательскую группу, куда вошли Министерство торговли КНР и Министерство иностранных дел и торговли Австралии. В результате проведенной группой работы, в марте 2005 г. в свет вышел доклад «Australia — China Free Trade Agreement Joint Feasibility Study», который указал на главное препятствие развитию торговых отношений Австралии и КНР — тарифы, — а также показал наличие ряда преимуществ для заключения соглашения о свободной торговле (ССТ)³. Спустя десять лет переговоров, 17 июня 2015 г. стороны официально подписали это соглашение. Оно вступило в силу 20 декабря 2015 г. и стало первым ССТ Китая с крупной развитой экономикой.

При рассмотрении условий снижения торговых барьеров, стоит подчеркнуть, что ChAFTA обладает высокой степенью либерализации австралийско-китайской торговли. В рамках данного соглашения были ликвидированы пошлины более чем на 85% товаров, экспортируемых из Австралии в Китай (включая говядину, молочные продукты, вино и зерновые культуры), а также на 92% австралийского экспорта природных ресурсов и продукции обрабатывающей промышленности⁴. Ожидалось, что по мере реализации ChAFTA весь экспорт Китая в Австралию и 97% австралийского экспорта в КНР будут освобождены от пошлин.

Учитывая тот факт, что Австралия является одним из крупнейших экспортеров угля, железной руды и сельскохозяйственных культур, а также важное значение данной группы товаров в торговле двух стран, автору видится необходимым проверить гипотезу, что ChAFTA существенно повлияло не только на интенсификацию австралийско-китайской торговли, но и на их торговлю с соседями по региону. Для подтверждения этого

³ Australia — China Free Trade Agreement Joint Feasibility Study, 2005 // Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. URL: https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/feasibility_full.pdf (дата обращения: 25.08.2021).

⁴ China-Australia Free Trade Agreement // Trade and Investment Queensland, Australian. URL: <https://www.tiq.qld.gov.au/download/business-interest/export/free-trade-agreements/China-Australia-Free-Trade-Agreement.pdf> (дата обращения: 25.08.2021).

предположения автором используется подход американского экономиста Дж. Вайнера, впервые примененный в области изучения австралийско-китайской торговли углем учеными из Нанкинского аудиторского университета (Нанкин) и Центрального южного университета (Чанша)⁵. Согласно используемому подходу Дж. Вайнера, ССТ помогают устранить торговые барьеры и нарастить объемы двусторонней торговли (созидательный эффект), в то время как из-за новых преференций сокращается торговля с другими государствами (разрушительный эффект)⁶. В данном конкретном исследовании автором был расширен список товаров: помимо угля в него вошли железная руда, вино и мясо — одни из наиболее известных позиций экспорта Австралии в КНР.

Данные, приведенные в Таблице № 1, демонстрируют, что после подписания ChAFTA, основные позиции экспорта Австралии продемонстрировали средний рост на 142,78%. В период 2015–2019 гг. экспорт товаров из Австралии в КНР вырос с 61,012 млрд долл. до 102,995 млрд долл. (+68,8%), а импорт из Китая продемонстрировал рост на 23% (до 56,946 млрд долл.). Вместе с тем ССТ значительно расширило торговые возможности Австралии в области сельского хозяйства и имеет важное значение для проникновения австралийских сельскохозяйственных товаров на рынок КНР.

Таблица № 1

Экспорт Австралийского Союза в КНР с момента подписания ChAFTA, млрд долл. США			
	2015 г.	2019 г.	Процент прироста
Железная руда	29,5	67,5	+128,81 %
Уголь	4,85	9,36	+92,99%
Вино	0,285	0,797	+179,65 %
Мясо	1,55	4,18	+169,68 %

Источник: What does Australia export to China? (2019). Observatory of Economic Complexity (OEC). URL: https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/export/aus/chn/show/2019/ (дата обращения: 25.08.2021).

Также необходимо рассмотреть аспекты, которые сказываются на других торговых партнерах Австралии. Например, если доля КНР в австралийском экспорте железной руды Австралии в 2015 г. составляла 79%, на Японию приходилось 11%, а на Республику Корея — 7,3%, то в 2019 г. доля КНР выросла на 2,7%, а доли Японии и Кореи на снизились на 3,31% и 0,87% соответственно⁷. Аналогичная тенденция прослеживается и в экспорте угля: если в 2015 г. доля Китая в австралийском экспорте угля составила

⁵ Xiang, H., Kuang, Y., & Li, C. Impact of the China–Australia FTA on global coal production and trade / Journal of Policy Modeling. 2017. 39(1). P. 65–78. doi:10.1016/j.jpolmod.2017.01.001.

⁶ Viner, J., The customs union issue. New York: Carnegie Endowment for International Peace, 1950. P. 115.

⁷ Ibid.

17%, доля Японии — 30%, а Кореи — 13%, то в 2019 г. доля Китая увеличилась на 1,2%, в то время как доля Японии снизилась на 5,4%, а Кореи — на 3,12%⁸. Соглашение о свободной торговле также оказало негативное влияние на позиции североамериканских и африканских государств в экспорте железной руды в Китай, в результате чего доля австралийской железной руды в импорте КНР выросла с 44% до 81,7% в 2015–2019 гг.⁹

Исходя из вышеизложенных фактов, можно заключить, что подписание Китайско-австралийского соглашения о свободной торговле оказало созидательный эффект на двусторонние торговые отношения государств, и в то же время создало относительно умеренный «эффект разрушения», снизив долю ряда государств как в экспорте Австралийского Союза, так и в импорте КНР. Особенно примечательно, что даже в условиях напряженности в двусторонних отношениях, китайская сторона снизила тарифные ставки на сухое молоко, козье мясо, апельсины, очищенный миндаль и средства по уходу за кожей, а также отменила импортную квоту на австралийскую шерсть в соответствии с условиями соглашения ChAFTA¹⁰. Соглашение о свободной торговле — это более ценный и практико-ориентированный вектор сотрудничества Австралии и КНР, нежели чем Стратегический экономический диалог. Приостановка участия в диалоге со стороны КНР — это, скорее, демонстративный ответный жест на аннулирование формального меморандума «Пояса и пути» между штатом Виктория и КНР, а также маркер готовности Пекина дать отпор выпадам Канберры.

Во-вторых, с развитием торговых отношений между Австралией и Китаем всё чаще возникали опасения, что довольно высокая степень взаимозависимости двух стран несет в себе чрезмерный риск для Пятого континента. Как показали события 2020 г., эта проблема тесно связана с пандемией COVID-19, а падение темпов экономического роста Китая может оказать негативное влияние на австралийскую экономику. Вероятные последствия данной проблемы ранее проанализировали ученые Международного валютного фонда (МВФ) А. Дицполи, Б. Хант и В. Мализжевски¹¹ (2016 г.); П. Карам и Д. Муир (2018 г.)¹², а также профессор Университета Западной Австралии Н. Гроневолд¹³ в 2018 г. Большую работу

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

¹⁰ Australia-PRC Trade and Investment Developments: A Timeline. Australia-China Relations Institute, University of Technology Sydney. URL: <https://www.australiachinarelations.org/content/australia-prc-trade-and-investment-developments-timeline> (дата обращения: 25.08.2021).

¹¹ Dizioli, A., Hunt, L., Maliszewski, W., Spillovers from the Maturing of China's Economy, 2016 // International Monetary Fund (IMF) Working Papers. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/Spillovers-from-the-Maturing-of-Chinas-Economy-44381> (дата обращения: 25.01.2021).

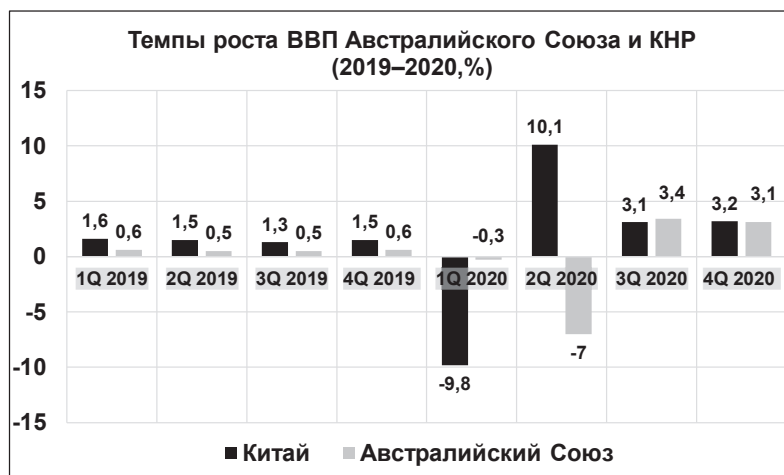
¹² Karam, P., Muir, D., Australia's Linkages with China: Prospects and Ramifications of China's Economic Transition, 2018 // International Monetary Fund (IMF) Working Papers. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2018/05/22/Australia-s-Linkages-with-China-Prospects-and-Ramifications-of-China-s-Economic-Transition-45846>.

¹³ Groenewold, N., China's 'New Normal': How will China's Growth Slowdown Affect Australia's Growth?: Australian and China's Growth Slowdown // Australian Economic Papers. 2018. № 57(6). P. 5.

по структурированию эти прогнозов также провели на базе Института по изучению австралийско-китайских отношений Сиднейского технологического университета (The Australia-China Relations Institute, University of Technology Sydney)¹⁴.

Согласно приведенным исследованиям, при падении ВВП КНР на один процентный пункт, ВВП Австралии должен был снизиться от 0,04% до 0,2% в краткосрочной перспективе и от 0,04% до 14% — в среднесрочной. Учитывая негативное влияние вспышки COVID-19 на мировую экономику, представляется уникальная возможность подтвердить или опровергнуть данные предположения на практике. По данным Национального статистического бюро КНР, в первом квартале темпы экономического роста КНР упали на –9,8%. Впервые с 1992 г. экономика Китая продемонстрировала спад. Примечательно, что экономика Австралии также с 1991 г. была довольно устойчива и избегала падения на протяжении последних 19 лет, но темпы экономического роста Австралии в первом квартале 2020 г. составили –0,3%¹⁵.

Рисунок № 1



Источники: Chart Pack Australian Growth. Reserve Bank of Australia. URL: <https://www.rba.gov.au/chart-pack/au-growth.html>, Indicators. National Bureau of Statistics of China. URL: <http://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=B01> (дата обращения: 25.08.2021).

Как ожидали эксперты, последствия кризиса в Китае должны были стать сказаться на австралийской экономике. Учитывая используемые выше моделирования, наиболее точным оказался сценарий влияния кризиса в КНР на экономику Австралии, приведенный в исследовании профессора

¹⁴ Laurenceson, J., Zhou, M., Small Grey Rhinos: Understanding Australia's Economic Dependence on China // ACRI UTS. URL: <https://www.australiachinarelations.org/content/small-grey-rhinos-understanding-australia%E2%80%99s-economic-dependence-china> (дата обращения: 25.08.2021).

¹⁵ Australia GDP Annual Growth Rate Annual Data // Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/australia/gdp-growth-annual> (дата обращения: 25.08.2021).

Университета Западной Австралии Н.Гроневолда: «непосредственным эффектом снижения темпов роста Китая на единицу будет снижение темпов роста Австралии примерно на 0,05 % в краткосрочной перспективе, но больший долгосрочный эффект порядка 0,15 %»¹⁶. Так, исходя из показателей первого квартала 2020 г., ВВП Австралии составил –0,3%, что довольно близко к краткосрочному показателю прогноза (–0,49%). Однако в сложившейся ситуации пандемии велико влияние множества сопутствующих факторов, в том числе ограничительных мер, направленных на сдерживание распространения коронавируса. Каждое государство принимает самостоятельное решение о степени своей «открытости» для мира в период пандемии, поэтому меры противодействия коронавирусу также несут в себе элементы погрешности, затрудняющие дальнейший анализ взаимосвязи темпов роста ВВП Австралии и КНР. Однако факт остается фактом: последствия COVID-19 дали о себе знать. Более того, тотальная ориентация Австралии на экспорт железной руды в КНР выразилась в приостановке деятельности ряда австралийских промышленных предприятий на фоне падения спроса в КНР, что повлекло за собой рост безработицы в стране. Подобные случаи были в угольной, газовой и сельскохозяйственной сферах.

Наконец, условия двусторонней напряженности позволили выявить фактор, который можно рассматривать в качестве элемента обогащения экономических стратегий Канберры. Как известно, средние державы или державы среднего уровня (такие как Австралия, Канада, Япония и др.) используют различные инструменты для наращивания своего экономического влияния. Прежде всего, это *стратегия хеджирования в области ССТ*. С точки зрения средних держав, такого рода соглашения несут в себе как экономические выгоды, так и возможности завоевать доверие партнёров¹⁷, разрешив за их счет более широкий спектр внешнеполитических задач. Например, учитывая конкуренцию КНР и Соединенных Штатов в АТР, австралийская сторона прибегла к подписанию ССТ с обоими государствами не только в целях увеличения объемов торговли, но и во избежание ситуации, в которой ей придется выбирать между двумя крайностями¹⁸, чтобы сохранить благоприятные отношения с каждой из стран. Стратегия хеджирования в области ССТ также оправдана с точки зрения интеграции и большей сплоченности региональных рынков, которые уязвимы перед конкуренцией КНР и США. Более того, как показал пример американо-китайской и австралийско-китайской торговых войн 2019 и 2020 гг., конкуренция между акторами с большой долей вероятности будет включать скорее инструменты экономического

¹⁶ Groenewold, N., China's 'New Normal': How will China's Growth Slowdown Affect Australia's Growth?...P.2.

¹⁷ Solis, M., & Katada, S., Unlikely pivotal states in competitive free trade agreement diffusion: The effect of Japan's trans-pacific partnership participation on Asia-Pacific regional integration // New Political Economy. 2015. № 2. P. 18. doi:10.1080/13563467.2013.872612

¹⁸ Goh, E., Meeting the China challenge: The U. S. in Southeast Asian Regional Security Strategies, 2005 // East-West Center. URL: <https://www.eastwestcenter.org/system/tdf/private/PS016.pdf?file=1&type=node&id=32053> (дата обращения: 25.08.2021).

воздействия, нежели применение своих наступательных и оборонных возможностей. К тому же, ССТ позволяет средним державам «прыгнуть выше головы» и дает шанс утвердиться в качестве одного из ключевых торговых узлов путем развития торговых связей. Наряду с со стратегией хеджирования следует выделить *стратегию ухаживания*, которая предполагает собой не только поддержание Австралией стабильной гуманитарной обстановки в южной части Тихого океана и повышение своего статуса, но и меры по привлечению развивающихся островных государств в свою орбиту путем предоставления им различного рода помощи (преимущественно грантов). Для оказания официальной помощи в целях развития в региональных и глобальных масштабах средние державы должны обладать достаточными материальными ресурсами¹⁹, чему Австралия соответствует в полной мере.

Однако в данной работе автор сосредоточил внимание на актуальных особенностях торгово-экономических отношений Австралии и КНР, ввиду чего уделит особое внимание трансформации восприятия Канберрой торговых войн. Безусловно, в данной ситуации стоит начать с торговой войны между США и КНР, которая стала одним из наиболее ответственных испытаний для австралийско-китайских торговых отношений. Изначально, в июне 2019 г. в рамках саммита «Группы двадцати» (G20) новоизбранный премьер-министр Австралии Скотт Моррисон выступил с решительной поддержкой торговых претензий США к Китаю, заявив о несправедливости принудительной передачи технологий и невозможности оправдания кражи интеллектуальной собственности. Вероятно, подобную риторику австралийского премьер-министра можно объяснить его стремлением подтвердить приверженность Австралии к альянсу с США. Как отметил экс-советник К. Радда Эндрю Чарлтон, в ходе торговой войны Австралия сталкивается с «очень серьезной» угрозой, так как подчеркивает слабые стороны австралийской экономики, а также протекает на фоне замедления её экономического роста²⁰. Уже в сентябре 2019 г. австралийская сторона смягчила свою риторику, а министр финансов Австралии призвал Соединенные Штаты пойти на компромисс в торговой войне с КНР²¹, хотя данный сценарий кажется довольно маловероятным в контексте нынешней конкуренции между США и Китаем. Последствия торговой войны и первая торговая сделка между США и КНР, подписанная 15 января 2020 г., также несет в себе некоторый негативный эффект для Канберры. Для выполнения условий сделки Китаю непременно пришлось бы нарастить импорт из США на 200 млрд долл. Минус

¹⁹ Jordaan, E., The Concept of a Middle Power in International Relations: Distinguishing between Emerging and Traditional Middle Powers // *Politikon: South African Journal of Political Studies*. — № 30(1). P. 174. doi:10.1080/0258934032000147282

²⁰ US-China trade wars a 'serious' threat to Australian economy, 2019 // ABC News. URL: <https://www.abc.net.au/news/2019-08-07/economist-andrew-charlton-warning-australian-harm-amid-trade-war/11387192> (дата обращения: 25.08.2021).

²¹ Australia joins coalition of nations urging end to US-China trade war // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/sep/23/australia-joins-coalition-of-nations-urging-end-to-us-china-trade-war> (дата обращения: 25.08.2021).

для австралийской стороны заключается в том, что для выполнения этих условий КНР может переориентировать закупки из ряда стран, в том числе и из Австралии, за счет сельскохозяйственной продукции, газа или сферы услуг.

Казалось бы, инициированная США торговая война была неодобрительно воспринята австралийской стороной. Согласно постулатам о поведении средних держав на мировой арене, им выгодно полагаться на мировой экономический порядок, основанный на правилах и многосторонней системе, которая обеспечивает экономическое процветание и безопасность, что особенно верно в условиях трансформации региональной архитектуры в АТР. Но Австралия, вопреки всем ожиданиям, не только развязала торговую войну против Пекина, но и прибегла к более выраженным инструментам формирования регионального баланса, которые до этого использовались преимущественно в области обороны. В этом контексте особый интерес вызывает новая Инициатива по обеспечению устойчивости производственно-сбытовых цепочек (Supply Chain Resilience Initiative, SCRI), выдвинутая Индией, Японией и Австралией, которая направлена на создание альтернативных глобальных цепочек поставок в попытке повысить устойчивость и уменьшить экономическую зависимость от Китая. Вместе с тем австралийская сторона активизировала направление инфраструктурной дипломатии, присоединившись к странам Запада и Японии в деле противостояния китайской инициативе «Пояс и путь»²². Фактически, сторонники Индо-Тихоокеанской концепции предложили платформу для расширения двусторонней торговли и инвестиций, а также позволить обеим странам сотрудничать в разработке эффективной будущей геоэкономической стратегии.

Последствия вспышки COVID-19 придают исследованиям австралийско-китайских большую практическую направленность. Экономики Австралии и Китая на протяжении почти трех десятилетий демонстрировали довольно устойчивый характер, равно как и беспрецедентный (для Пятого континента) уровень двустороннего взаимовыгодного сотрудничества. Однако, глобальных кризис оказал прямое влияние на торгово-экономические отношения двух стран, а также обострил политические противоречия. Вне всякого сомнения, Австралия переживает один из наиболее трудных периодов за всю историю своих отношений с Китаем. Трудно не согласиться с рассуждениями Кевина Хассета, экс-советника по экономике при администрации Д. Трампа: «уровень роста торгово-экономических связей Австралии и КНР станет одним из ключевых маркеров восстановления мировой экономики»²³. Стоит лишь добавить, что состояние австралийско-китайских отношений уже на сегодняшний день является маркером потенциального

²² Подробнее см.: Quad Infrastructure Diplomacy: An Attempt to Resist the Belt and Road Initiative // The International Affairs. URL: <https://en.interaffairs.ru/article/quad-infrastructure-diplomacy-an-attempt-to-resist-the-belt-and-road-initiative/>

²³ Economic diplomacy: Rising risks and missing links in a pandemic // The Interpreter URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/economic-diplomacy-rising-risks-and-missing-links-pandemic> (дата обращения: 25.08.2021).

обострения или снижения напряженности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, причем как в оборонных, так и экономических вопросах.

Литература / References

1. Australia — China Free Trade Agreement Joint Feasibility Study, 2005 // Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. URL: https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/feasibility_full.pdf (дата обращения: 25.08.2021).
2. Australia GDP Annual Growth Rate Annual Data // Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/australia/gdp-growth-annual> (дата обращения: 25.08.2021).
3. Australia joins coalition of nations urging end to US-China trade war, 2019 // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/sep/23/australia-joins-coalition-of-nations-urging-end-to-us-china-trade-war> (дата обращения: 25.08.2021).
4. Chart Pack Australian Growth // Reserve Bank of Australia. URL: <https://www.rba.gov.au/chart-pack/au-growth.html> (дата обращения: 25.08.2021).
5. China-Australia Free Trade Agreement // Trade and Investment Queensland, Australian. URL: <https://www.tiq.qld.gov.au/download/business-interest/export/free-trade-agreements/China-Australia-Free-Trade-Agreement.pdf> (дата обращения: 25.08.2021).
6. Dizioli, A., Hunt, L., Maliszewski, W., Spillovers from the Maturing of China's Economy, 2016 // International Monetary Fund (IMF) Working Papers. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/Spillovers-from-the-Maturing-of-Chinas-Economy-44381> (дата обращения: 25.08.2021).
7. Economic diplomacy: Rising risks and missing links in a pandemic // The Interpreter URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/economic-diplomacy-rising-risks-and-missing-links-pandemic> (дата обращения: 25.08.2021).
8. Goh, E., Meeting the China challenge: The U. S. in Southeast Asian Regional Security Strategies, 2005 // East-West Center. URL: <https://www.eastwestcenter.org/system/tdf/private/PS016.pdf?file=1&type=node&id=32053> (дата обращения: 25.08.2021).
9. Groenewold, N., China's 'New Normal': How will China's Growth Slowdown Affect Australia's Growth?: Australian and China's Growth Slowdown // Australian Economic Papers. 2018. № 57(6). P. 1–11
10. Indicators // National Bureau of Statistics of China. URL: <http://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=B01> (дата обращения: 25.08.2021).

11. Jordaan, E., The Concept of a Middle Power in International Relations: Distinguishing between Emerging and Traditional Middle Powers // *Politikon: South African Journal of Political Studies*.— № 30(1). P. 165–181. doi:10.1080/0258934032000147282
12. Karam, P., Muir, D., Australia's Linkages with China: Prospects and Ramifications of China's Economic Transition, 2018 // International Monetary Fund (IMF) Working Papers. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2018/05/22/Australia-s-Linkages-with-China-Prospects-and-Ramifications-of-China-s-Economic-Transition-45846> (дата обращения: 25.08.2021).
13. Laurenceson, J., Zhou, M., Small Grey Rhinos: Understanding Australia's Economic Dependence on China // ACRI UTS. URL: <https://www.australiachinarelations.org/content/small-grey-rhinos-understanding-australia%E2%80%99s-economic-dependence-china> (дата обращения: 25.08.2021).
14. Observatory of Economic Complexity (OEC). URL: https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/export/aus/chn/show/2019/ (accessed: 25.08.2021).
15. Quad Infrastructure Diplomacy: An Attempt to Resist the Belt and Road Initiative // *The International Affairs*. URL: <https://en.interaffairs.ru/article/quad-infrastructure-diplomacy-an-attempt-to-resist-the-belt-and-road-initiative/> (дата обращения: 25.08.2021).
16. Solís, M., & Katada, S., Unlikely pivotal states in competitive free trade agreement diffusion: The effect of Japan's trans-pacific partnership participation on Asia-Pacific regional integration // *New Political Economy*. 2015. № 2. P. 155–177. doi:10.1080/13563467.2013.872612
17. UN Comtrade Database. URL: <https://comtrade.un.org/data/> (дата обращения 25.08.2021)
18. US-China trade wars a 'serious' threat to Australian economy, 2019 // ABC News. URL: <https://www.abc.net.au/news/2019-08-07/economist-andrew-charlton-warning-australian-harm-amid-trade-war/11387192> (дата обращения: 25.08.2021).
19. Viner, J., The customs union issue. New York: Carnegie Endowment for International Peace, 1950. 221 p.
20. Xiang, H., Kuang, Y., & Li, C. Impact of the China–Australia FTA on global coal production and trade. *Journal of Policy Modeling*, 2017, 39(1). P. 65–78. doi:10.1016/j.jpolmod.2017.01.001.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Гарин Артем Алексеевич – лаборант-исследователь Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН, Москва, Россия.

Garin Artyom – Research Assistant, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania, IOS RAS, Moscow, Russia.

ЭКОНОМИКА

Научная статья

DOI: 10.31696/2227-5568-2021-02-043-052

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА АФГАНСКИЙ НАРКОБИЗНЕС В 2020 г.

Ольга Евгеньевна Митрофаненкова ^a

a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

a – mitrofanenkova.olga@bk.ru, ORCID: 0000-0003-0076-2956

Аннотация: В статье рассматривается влияние пандемии Covid-19 на афганский наркобизнес в 2020 г. Автор также отмечает и общие изменения, которые произошли в международном наркобизнесе для лучшего понимания ситуации в Афганистане. Рассмотрены изменения в производстве наркотиков и в маршрутах афганского наркотрафика на фоне пандемии коронавируса. Автор дает также прогноз развития афганского наркобизнеса на несколько лет вперед.

Ключевые слова: Афганистан, наркотики, пандемия Covid-19, наркотрафик, наркопроизводство

ECONOMY

Original article

THE INFLUENCE OF COVID-19 PANDEMIC ON AFGHAN DRUG BUSINESS IN 2020

Olga Mitrofanenkova ^a

a – IOS RAS, Moscow, Russia

a – mitrofanenkova.olga@bk.ru, ORCID: 0000-0003-0076-2956

Abstract: The article examines the impact of the Covid-19 pandemic on afghan drug business in 2020. Author also highlights main changes that have occurred in international drug business for the better understanding situation in Afghanistan. Changes in drug production and Afghan drug trafficking routes against the backdrop of the coronavirus pandemic are also taken in consideration. The author also gives a forecast of Afghan drug business development for several years ahead.

Key words: Afghanistan, drugs, Covid-19 pandemic, drug traffic, drug production.

Пандемия Covid-19, которая распространилась по всему миру в 2020 г., затронула многие аспекты жизни человечества в глобальном масштабе. Исключением подверженным влиянию Covid-19 не стал и афганский наркобизнес.

Важно отметить, что события 2020 г. внесли существенные изменения в глобальный рынок нелегальных наркотиков, что отразилось сильно на поставках и производстве. Кроме этого, существенные изменения претерпел и спрос на наркотические вещества в целых регионах (пример: Западная Европа).

Влияние пандемии Covid-19 на мировой рынок наркотиков

Пандемия нового коронавируса оказала сильное влияние на мировой рынок наркотиков, внеся сильные изменения и создав новые условия для незаконного наркобизнеса. Можно выделить несколько критериев, с которыми связаны основные перемены в этой области: закрытие границ, внутренняя ситуация в странах, влияние общего экономического спада.

Закрытие границ. В связи с закрытием границ и усилением контроля над границами, на фоне стремительного распространения вируса, во многих странах отмечалось сокращение поставок наркотиков (героин, кокаин, каннабис и т.д.).

Закрытие границ и усиление пограничного контроля, сокращение международных грузоперевозок (наркотики часто перевозят вместе с легальными товарами, маскируя их под законную продукцию).

Согласно полученным данным в 2020 г. многие страны мира сообщали об общем дефиците многих наркотических веществ в незаконной розничной торговле, а также о том, что это привело к росту цен на наркотики и снижению качества продаваемых наркотических веществ¹. Преимущественно подобная ситуация была связана с колебаниями в поставках наркотических веществ.

Несмотря на краткосрочные колебания в поставках наркотиков на фоне введенных ограничений, в некоторых странах крупные изъятия афганского героина в 2020 г., продемонстрировали, что крупномасштабный оборот наркотиков продолжался во время всей пандемии, возможно за счет более крупных поставок наркотиков, чем ранее².

Многие наркозависимые были вынуждены искать альтернативы запрещенным наркотическим веществам. Так стали активно использоваться синтетические альтернативы традиционным наркотикам. К примеру, в странах Западной Европы афганский героин был замещен синтетическим, который производился в подпольных домашних лабораториях из доступных лекарственных препаратов, имеющих в своем составе алкалоиды опия³. Важно отметить, что такие виды наркотиков хоть и компенсировали сформировавшийся дефицит на фоне снижения поставок, тем не менее, они не являются полноценной заменой традиционным наркотикам. Прежде всего, подобные наркотики обладают более высокой токсичностью и способны наносить больший урон здоровью человека, также они чаще приводят к летальному исходу.

¹ Covid-19 и цепочка незаконных поставок наркотиков: от производства и транспортировки до потребления. УНП ООН, Вена, 2020. С. 1

² Ibid.

³ World drug report 2020. Volume 1. P. 23.

Однако, несмотря на то, что границы многих стран были закрыты, поставки наркотиков (в том числе и из Афганистана) полностью не прекращались. Тем не менее, в самом начале отмечались перебои с поставками.

Согласно отчету УНП ООН меры по закрытию границ в странах на Балканах и на Ближнем Востоке были менее строгие, что создавало возможности для осуществления нелегальных поставок наркотиков⁴. Наркобизнес сумел эффективно и быстро адаптироваться к меняющимся глобальным условиям жизни человечества.

Влияние ситуации внутри отдельных стран. Важно также отметить, что пандемия повлияла в некоторой степени на антинаркотическую политику внутри многих стран. В странах с ограниченными ресурсами правоохранительных органов, а также в связи с тем, что большое количество ресурсов было направлено на борьбу с Covid-19, для наркобизнеса условия становились более благоприятными⁵. Из-за того, что приходилось сокращать внутренние усилия по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, наркотические вещества стали более свободно распространяться в конечных рынках сбыта. Этот фактор в свою очередь сыграл на руку крупным наркоторговцам.

Влияние общего экономического спада на наркоситуацию в будущем

Определенное беспокойство касательно распространения наркотиков в будущем связано с общим мировым экономическим спадом. Согласно прогнозам Управления ООН по наркотикам и преступности (далее УНП ООН) экономический кризис может сильно усугубить положение более уязвимых групп населения, которые в свою очередь могут быть легко вовлечены в незаконные виды деятельности (в том числе и наркобизнес) как среду для выживания, в целях компенсации потери легальных доходов. Кроме этого эксперты отмечают, что в последующем снятие ограничительных мер из-за пандемии, экономические потрясения могут также вызвать рост потребления наркотиков⁶. В целом сложившиеся условия на фоне пандемии, создают хорошую почву для будущей реализации афганских наркотиков после снятия ограничений.

Рассматривая влияние пандемии коронавируса на международный наркобизнес можно отметить как аспекты, способствующие распространению наркотиков, так и создающие определенные преграды для их распространения. Безусловно, наибольшее негативное влияние на распространение наркотиков в глобальном масштабе оказало закрытие границ, ограничение авиасообщения и сокращение легальных торговых грузоперевозок. Это привело к тому, что наркотики в глобальном масштабе стали менее

⁴ Ibid.

⁵ COVID-19 and the drug supply chain: from production and trafficking to use. *UNODC*. 2020. P. 5

⁶ Всемирный доклад о наркотиках 2020 г. УНП ООН, Вена. С. 1.

свободно распространяться. При этом на внутренних рынках в отдельных странах они стали более доступными.

Рассматривая уже непосредственно влияние пандемии Covid-19 на афганский наркобизнес, важно будет рассмотреть изменения, которые произошли как в области производства, так и в области распространения наркотиков по маршрутам наркотрафика.

Влияние пандемии Covid-19 на производство наркотиков в Афганистане

После падения режима талибов в 2001 г. в Афганистане окончательно закрепилась тенденция к постоянному росту производства наркотиков. Если в производстве наркотиков и происходили колебания в сторону снижения, то это носило временный характер, и зачастую было обусловлено условиями на глобальном рынке наркотиков, природно-климатическими условиями и т.д. Борьба с производством наркотиков также давала кратковременный результат.

Пандемия коронавируса также оказала влияние на производство наркотиков в Афганистане в 2020 г.

Согласно последним данным в 2020 г. площадь, занятая посевами опийного мака составила 224 тыс. га., что на 37% больше, чем в 2019 г., когда площадь посевов составляла 163 тыс. га. Потенциальный объем произведенных наркотиков в 2020 г. должен был составить 6300 т⁷. В 2019 г. объем производства наркотиков в Афганистане оценивался приблизительно в 6000 т⁸. В целом существенного снижения производства наркотиков в 2020 г. не ожидалось.

Кроме этого из-за пандемии афганское правительство было вынуждено сократить операции по борьбе с производством наркотиков. Несмотря на тревожные тенденции в производстве наркотиков в Афганистане правительство США также приостановило свои программы по борьбе с наркотиками здесь⁹. Другие международные акторы также полностью отстранились от борьбы с производством наркотиков в Афганистане.

Ключевые месяцы для сбора урожая опия в Афганистане в 2020 г. пришлись на март-июнь, на пик мер по борьбе с Covid-19. Из-за закрытия границы с Пакистаном в южных и западных провинциях Афганистана возникла проблема с нехваткой рабочей силы для сбора урожая¹⁰. Важно отметить, что сбор урожая опийного мака является самым сложным и трудоемким процессом в цикле производства наркотиков. Данный вид работ

⁷ Afghanistan opium Survey 2020. Cultivation and production — executive summary. P. 4.

⁸ World drug report 2019. Vol. 3. p. 10.

⁹ Ibid. P. 46.

¹⁰ Ibid. P. 24.

также лучше всего оплачивается, но из-за своей сложности в сборе урожая задействованы преимущественно мужчины.

Учитывая сложившиеся обстоятельства в 2020 г. активное участие в сборе урожая принимали женщины и дети, которые также были задействованы в выращивание опийного мака. Поэтому в Афганистане урожай за 2020 г. был собран.

Другой стороной проблемы, связанной с производством наркотиков является сокращение поставок ангидрида уксусной кислоты из-за сокращения объемов международной торговли на фоне ограничений¹¹. Ангидрид уксусной кислоты, необходимый для производства героина, не производится в Афганистане и поставляется из соседних с ним стран. Кроме этого афганский наркобизнес также столкнулся с проблемой глобального распространения наркотиков, что привело к увеличению запасов наркотиков внутри страны.

Согласно отчету Sigar за 2021 г. несмотря на глобальную пандемию Covid-19 и ее серьезные последствия для всей мировой экономики, опийная экономика Афганистана сохранила устойчивость¹².

Несмотря на то, что производство наркотиков в Афганистане на фоне пандемии сильно не пострадало, ряд аспектов все же в будущем может вызвать беспокойство у международного сообщества. Легальная экономика Афганистана также пострадала от пандемии Covid-19, как и во всем мире. Учитывая тот факт, что здесь ранее уже наблюдались серьезные экономические проблемы в будущем ситуация может усугубиться. Так ряд исследований говорит о том, что сложная экономическая ситуация в Афганистане, которая усугубилась на фоне пандемии, может способствовать тому, что еще большее количество крестьянских домохозяйств будет задействовано в производстве наркотиков. Экономически пострадавшие крестьяне будут больше склонны участвовать в нелегальной экономике, если это будет давать им возможность восстановить свои доходы и гарантировать относительно стабильный и устойчивый доход¹³.

Можно сказать, что в ближайшие годы сокращение производства наркотиков в Афганистане будет маловероятным. Возможно, также вырастет количество крестьян вовлеченных в производство наркотиков. Кроме этого из-за того, что в 2020 г. часть произведенных наркотиков оставалась на складах в будущем возможно падение цен на афганские опиаты. Выше было также отмечено, что в конечных рынках сбыта, могут быть сформированы благоприятные условия для дальнейшей реализации афганских наркотиков.

Влияние пандемии Covid-19 на маршруты афганского наркотрафика

¹¹ Ibid.

¹² SIGAR. 2021 high-risk list. P. 44.

¹³ Afghanistan opium Survey 2019. Socio-economic survey report: drivers, causes and consequences of opium poppy cultivation. P. 49.

Пандемия Covid-19 также оказала влияние и на маршруты афганского наркотрафика, что в основном было связано с закрытием границ и ограничением передвижения людей и товаров по всему миру. Для лучшего понимания изменений в связи с пандемией необходимо определить особенности основных маршрутов.

Формирование маршрутов афганского наркотрафика можно отнести к 1990-м гг., когда у власти в Афганистане находились талибы. Последние несколько лет выделяют три основных маршрута афганского наркотрафика: Северный маршрут, Балканский маршрут и Южный маршрут.

На современном этапе афганские наркотики с помощью маршрутов наркотрафика поставляются практически во все страны мира. Единственным регионом, где нет афганских наркотиков, остается Латинская Америка, так как этот регион также является центром международного производства кокаина. В Мексике также производят героин.

Балканский маршрут афганского наркотрафика уже многие годы остается одним из самых востребованных и популярных маршрутов афганского наркотрафика. В основном он служит для поставки наркотиков в страны Европы и, ориентирован на удовлетворение потребностей одного большого рынка сбыта.

Балканский маршрут проходит через территорию Ирана, Пакистана и Турции. Важную роль в этом маршруте играют порты в Пакистане (порт г. Карачи) и Иране для поставки наркотиков по морю в страны Ближнего Востока. Ключевым транзитным пунктом для наркотиков на сухопутном маршруте стала Турция. Отсюда наркотики поступают в страны Восточной и Юго-Восточной Европы. Откуда они дальше достигают конечного потребителя в странах Западной Европы. На Балканском маршруте активно используются и морские порты в Италии. Ряд стран на этом маршруте стали как конечными рынками сбыта, так и одновременно транзитными зонами (Италия, Греция, Швейцария и большая часть стран Восточной Европы)¹⁴. Длительное время именно Балканский маршрут оставался основным каналом поставки афганских наркотиков в страны Европы.

Существенные изменения произошли на этом маршруте в 2014 г., что привело к сокращению поставок наркотиков на этом маршруте. Подобное изменение было связано с тем, что страны транзита (Иран и Турция) стали проводить более активную политику борьбы с афганским наркотрафиком. На фоне этого стали формироваться маршруты альтернативные Балканскому, так как спрос на героин в Европе остался на прежнем уровне. Наркотики из Афганистана в Европу стали поставляться через страны Ближнего и Среднего Востока, через восточную Африку, а также и напрямую из Пакистана¹⁵. В этот период большим спросом стал пользоваться Южный маршрут афганского наркотрафика. Пандемия и последующее закрытие границ

¹⁴ The illicit drug trade through south-eastern Europe. *UNODC*. 2014. P. 37.

¹⁵ World drug report 2014. *UNODC*. 2015. P. 22–24.

в странах Европы затруднило поставку наркотиков с помощью Балканского маршрута до конечного потребителя. Поэтому во многих странах наблюдались временные перебои с поставками.

Тем не менее, пандемия COVID-19 не остановила Балканский маршрут афганского наркотрафика, сохранив за ним статус одного из ключевых каналов поставки наркотиков в страны Европы. Кроме этого возросло значение кавказской ветви маршрута в качестве транзитной зоны для афганских наркотиков на рынки Европы¹⁶. В свою очередь пандемии заставила наркоторговцев осваивать новые каналы поставок и искать более уязвимые страны для наркотрафика. В будущем это грозит тем, что в странах, через которые пройдет маршрут наркотрафика, существенно усугубиться ситуация с наркотиками.

Северный маршрут наркотрафика так же, как и Балканский маршрут, служит преимущественно для удовлетворения спроса на наркотики одного крупного рынка сбыта (Россия).

Особое значение для этого маршрута приобрели страны Центральной Азии.

Северный маршрут афганского наркотрафика является преимущественно сухопутным. Он включает в себя сеть автомобильных дорог, железных дорог и другой транспортной инфраструктуры, которая соединяет Афганистан через страны Центральной Азии с Россией. На данном маршруте, правда в меньшей степени, используются и авиаперевозки наркотиков из аэропортов в странах Центральной Азии в Россию.

Про Северный маршрут можно сказать, что он представляет собой совокупность более мелких маршрутов. В составе Северного маршрута можно выделить три более мелких. Основной канал поставок афганских наркотиков в Россию проходит через территорию Таджикистана, Киргизии и Казахстана. Этот маршрут называют «Северо-восточным». Менее используемым, но также важным маршрутом в поставке наркотиков является «центральный» маршрут. Он проходит через территорию Таджикистана, Узбекистана и Казахстана. Третьим маршрутом является «северо-западный». Он соединяет Афганистан и Туркменистан. Однако на данный момент сложно сказать, насколько актуальным является данный маршрут¹⁷. Во время пандемии Covid-19 на этом маршруте практически полностью перестало использоваться авиасообщение для перевозки наркотиков. Согласно отчетам УНП ООН в этот период существенно возрос риск изъятия наркотиков по северному маршруту наркотрафика. Тем не менее, от стран входящих в состав маршрута не поступало сообщений об увеличении изъятий наркотиков в сравнение с прошлым годом. В целом, ситуация на маршруте

¹⁶ UNODC Drugs monitoring platform brief: possible impact of the Covid-19 pandemic on trafficking in opiates and methamphetamine originating in Afghanistan. P. 2.

¹⁷ Незаконный оборот афганских опиатов вдоль «Северного маршрута». *UNODC*. 2018. С. 70.

наркотрафика не была стабильной и скорее всего наркоторговцы находили альтернативные маршруты¹⁸.

Южный маршрут также играет сегодня значительную роль в контрабанде наркотиков. Этот маршрут стал активно развиваться в 2000-е гг. Можно предположить, что одним из факторов для этого послужило сильное снижение производства наркотиков в Мьянме. В результате чего для афганских наркотиков появилась возможность получить доступ к новым рынкам сбыта. Последние годы все больше растет значимость этого маршрута. Он представляет собой преимущественно совокупность нескольких более мелких маршрутов наркотрафика.

В отличие от указанных выше Балканского и Северного маршрутов, Южный маршрут снабжает не один рынок сбыта, а несколько. Наркотики по этому маршруту поставляются в страны Азии и Африки, страны Персидского залива, Западную и Центральную Европу. В последние годы выросли поставки в Северную Америку, преимущественно в Канаду.

Наркотики на этом маршруте перевозятся в основном морским или сухопутным путем. Авиаперевозки распространены меньше, так как данный вид перевозок подразумевает меньший объем грузов из-за риска обнаружения и не дает возможности транспортировать большие партии наркотиков.

Южный маршрут проходит, прежде всего, через территорию Пакистана и Ирана. Наркотики поставляются в Восточную и Западную Африку, которая является рынком сбыта и перевалочным пунктом. Из Пакистана поставки наркотиков осуществляются на рынки Южной Азии, Юго-Восточной Азии и Океании¹⁹. Стоит отметить, что этот регион продолжает снабжать наркотиками также и Мьянма, но в меньшей степени, чем раньше.

Сегодня нередко бывает так, что где-то Южный маршрут наркотрафика пересекает Балканский маршрут. В основном это происходит в местах, где используется транспортировка наркотиков морем. В свою очередь это приводит к тому, что сложнее становится определить точный канал поставки наркотиков. При этом Южный и Северный маршрут не пересекаются. Это связано с тем, что рынки сбыта маршрутов находятся далеко друг от друга.

На фоне пандемии существенно выросла популярность южного маршрута для поставки наркотиков. Этот маршрут дает также возможность перевозить крупные партии наркотиков, преимущественно из-за активного использования перевозок морем. Особенностью южного маршрута является также и то, что он проходит преимущественно через страны с более слабым правоохранительным потенциалом.

Важно отметить, что перевозки героина осуществляются преимущественно наземным транспортом, поэтому введенные ограничения оказали

¹⁸ Covid-19 and the drug supply chain: from production and trafficking to use/UNODC, Vienna, 2020. P. 28.

¹⁹ Незаконный оборот афганских опиатов вдоль «Южного маршрута». *UNODC*. 2016. С. 18.

на них меньше влияния и сильно не повлияли на поставки²⁰. Тем не менее, информация от стран, которые расположены на основных маршрутах афганского наркотрафика, показывает, что сильно вырос риск изъятия при транспортировке героина наземным транспортом²¹. В результате наркоторговцы вынуждены были искать альтернативные способы перевозки наркотиков. На фоне этого большее значение стала приобретать перевозка наркотиков морем. Из-за сложности поставки наркотиков, также вероятно, что наркотики будут оставаться на складах, что приведет к формированию запасов и в будущем может привести к падению цен на наркотики.

Заключение

Мировая пандемия Covid-19 внесла свои изменения как в международную торговлю наркотиками, так и в афганский наркобизнес. Предпринимаемые государствами и международным сообществом меры по борьбе с вирусом как препятствовали распространению наркотиков, так и наоборот создавали более благоприятные условия для их распространения. Наркобизнес в отличие от мировой экономики практически не пострадал на фоне событий 2020 г. Он сумел в короткие сроки адаптироваться к меняющимся глобальным условиям.

Сложившаяся ситуация связанная с пандемией усугубила состояние легальной экономики в Афганистане, что в свою очередь может привести к еще большему разрастанию наркоиндустрии и наращиванию производства наркотиков. Кроме этого, существует вероятность, что спрос на наркотики в экономически пострадавших странах возрастет.

Программы по борьбе с наркотиками внутри самого Афганистана также, в ближайшие годы, скорее всего не будут осуществляться в полной мере. В свою очередь это даст возможность производить все больше наркотиков и в последующем спекулировать на мировых ценах на героин (к примеру: храня наркотики на складах и создавая искусственный дефицит).

Тем не менее, скорее всего производство героина в Афганистане не будет испытывать сильных колебаний в последующие несколько лет, держа примерно один и тот же уровень (зависимость от внешнего спроса).

Последние несколько лет в отчетах УНП ООН отмечается также и рост подпольного производства метамфетаминов²². Поэтому возможно, что в несколько ближайших лет Афганистан также займет нишу и в производстве метамфетамина.

²⁰ Covid-19 и цепочка незаконных поставок наркотиков: от производства и транспортировки до потребления. УНП ООН, Вена, 2020. С. 1.

²¹ Там же.

²² World drug report 2020. Volume 3. P. 42.

Литература/References

1. Afghanistan opium Survey 2019. Socio-economic survey report: drivers, causes and consequences of opium poppy cultivation. P. 49.
2. Afghanistan opium Survey 2020. Cultivation and production — executive summary. P. 4.
3. Covid-19 and the drug supply chain: from production and trafficking to use / UNODC, Vienna, 2020. P. 28.
4. Covid-19 и цепочка незаконных поставок наркотиков: от производства и транспортировки до потребления. УНП ООН, Вена, 2020. С. 1.
5. SIGAR. 2021 high-risk list. P. 44.
6. The illicit drug trade through south-eastern Europe. *UNODC*. 2014. P. 37.
7. UNODC Drugs monitoring platform brief: possible impact of the Covid-19 pandemic on trafficking in opiates and methamphetamine originating in Afghanistan. P. 2.
8. World drug report 2014. *UNODC*. 2015. P. 22–24.
9. World drug report 2019. Vol. 3. P. 10.
10. World drug report 2020. Volume 1. P. 23.
11. Всемирный доклад о наркотиках 2020 г. УНП ООН, Вена. С. 1.
12. Незаконный оборот афганских опиатов вдоль «Северного маршрута». *UNODC*. 2018. С. 70.
13. Незаконный оборот афганских опиатов вдоль «Южного маршрута». *UNODC*. 2016. С. 18.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Митрофаненкова Ольга Евгеньевна — Mitrofanenkova Olga — Junior Scientific м.н.с. Центра изучения стран Ближне- Researcher of Centre of Standing Countries го и Среднего Востока ИВ РАН, Москва, of Middle East IOS RAS, Moscow, Russia. Россия.

ПОЛИТИКА

Научная статья

DOI: 10.31696/2227-5568-2021-02-053-063

ИТОГИ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2021 В ИРАНЕ

Елена Викторовна Дунаева^а

а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

а – elena-vd@list.ru, ORCID: 0000-0002-4571-8206

Аннотация: В данной статье анализируется обстановка в Иране накануне проведения президентских выборов 2021 г. Подготовка к выборной кампании проходила в условиях углубления экономического кризиса, вызванного введением США санкций после их выхода из СВПД, а также пандемией коронавируса. Ухудшение материального положения населения привело к отказу в доверии либеральным силам, усилению настроений безнадежности и политической индифферентности. Сложной ситуацией воспользовались консервативные силы, которые сумели за последние годы укрепить свои позиции во власти. Наблюдательный совет, не допустив к участию в выборах ряд известных политических лиц, фактически обеспечил главе судебной власти И. Раиси победу. Беспрецедентно низкая явка на выборы свидетельствует о росте недовольства иранцев исламским режимом, в котором наблюдается игнорирование заложенных конституцией демократических основ и усиление теократических принципов.

Ключевые слова: Исламская республика Иран, Х. Роухани, И. Раиси, консерваторы, президентские выборы

POLITICS

Original article

2021 IRANIAN PRESIDENTIAL ELECTION

Elena Dunaeva^а

а – IOS RAS, Moscow, Russia

а – elena-vd@list.ru, ORCID: 0000-0002-4571-8206

Abstract: This article analyzes the situation in Iran on the eve of the presidential elections of 2021. Preparations for the election campaign took place in the context of the deepening economic crisis caused by the US sanctions after their withdrawal from the JCPOA, as well as the pandemic of coronavirus. The deterioration of the material situation of the population led to a denial of confidence in liberal forces, an increase in the mood of hopelessness and their political indifference. The difficult situation was taken advantage of by conservative forces, which have managed to strengthen their position in power in recent years. The Guardian Council, having prevented a number of well-known politicians to participate in the elections, actually ensured the victory of the Head of the Judiciary, E. Raisi. The unprecedented low turnout indicates an increase in Iranians' dissatisfaction with the Islamic regime, which has ignored the democratic foundations laid down by the constitution and strengthened theocratic principles.

Keywords: Islamic Republic of Iran, Hassan Rouhani, Ebrahim Raisi, conservatives, presidential election

Политическая система ИРИ, функционирующая на основе сочетания религиозных и республиканских принципов, при превалировании первых, предусматривает всеобщие выборы главы исполнительной власти (президента), которые проводятся раз в четыре года. Официально кандидатов на выборы утверждает Наблюдательный совет¹ и негласно сам духовный лидер. За последние 25 лет в разрешении на участие в выборах отказывали даже известным политическим фигурам². Несмотря на этот фильтр, предвыборные кампании получали широкий отклик в обществе, характеризовались активной пропагандистской кампанией, высоким уровнем противостояния политических фракций, что соответственно отражалось в жесткой конкуренции их кандидатов. Порой итоги выборов не соответствовали прогнозируемым результатам. Так, в 1997 г. власть сделала ставку на спикера меджлиса А. Натег Нури, а население оказало поддержку малоизвестному директору Национальной библиотеки М. Хатами, выступившему под лозунгами социально-политической модернизации. Основным итогом этих выборов стало формирование широкого фронта прореформаторских сил. Результаты президентских выборов 2009 г., на которых вопреки ожиданиям представителей нового среднего класса страны, активно поддерживающего либерализационные тенденции, повторно победил М. Ахмадинежад, оспаривались лидерами либеральных сил. По всей стране почти полгода не утихали протестные выступления, получившие название «зеленое движение». Разразился глубокий политический кризис, последствия которого не исчерпаны до сих пор. На выборах 2017 г. соперником действующего президента Х. Роухани был попечитель крупнейшего шиитского вакфа имама Резы (Астан-е годс-е Резави) И. Раиси, на которого делали ставку представители радикально консервативного духовенства, мобилизовав в его поддержку через религиозные каналы традиционные слои населения в провинции. Только поддержка реформаторского лагеря и мобилизация ими своего электората в поддержку умеренно настроенного Х. Роухани обеспечили его повторную победу.

Однако второй президентский срок Х. Роухани вызвал разочарование у его сторонников. Выход США из СВПД, введение ими жестких санкций вызвали сокращение валютных доходов, отток иностранных капиталов, рост инфляции, усилили безработицу, что привело к резкому спаду

¹ Орган в структуре государственной власти, в состав которого входят шесть знатоков религиозного права — факихов, назначаемых духовным лидером, и шесть светских законоведов, избираемых меджлисом. Согласно Конституции, он проверяет соответствие законов, принимаемых меджлисом, Корану и исламскому праву, утверждает кандидатуры на выборы, т. е. контролирует таким образом выборные структуры и лиц, назначаемых на государственные посты.

² В 2013 г. Наблюдательный совет не допустил к выборам бывшего президента ИРИ, главу Совета по определению целесообразности принимаемых решений аятоллу А. А. Хахеми Рафсанджани. В 2017 г., зарегистрировавшись для участия в выборах, бывший президент ИРИ М. Ахмадинежад не получил одобрения этого совета.

в экономике: минус 6,5% в 2019/2020 г.³ Наблюдалось усиление неравенства. Дважды, в начале 2018 и осенью 2019 г. страну потрясли масштабные протестные акции, прокатившиеся по всей стране. Эпидемия коронавируса усугубила социально-экономический кризис. Хотя правительство даже при дефиците бюджета принимало меры социальной поддержки, в условиях постоянного роста цен дополнительные выплаты не смогли компенсировать материальные потери низших и даже средних слоев населения⁴.

Недовольство иранцев положением дел в стране проявилось и в их индифферентности к прошедшей в феврале 2020 г. выборной кампании в парламент. Соцопрос, проведенный накануне выборов, показал, что 93% населения выражает недовольство, причинами которого назвали: неудовлетворительное управление экономикой, дороговизну, недостаточную борьбу с коррупцией, нехватку рабочих мест, отсутствие свободы слова и подходящего климата для развития общественного диалога⁵.

В результате выборы в парламент продемонстрировали беспрецедентно низкую явку граждан на выборы — в целом по стране проголосовало 42,6%, а по городу Тегеран — 25,4%⁶. Эти цифры явно показали разрыв между обществом и властью, что косвенно отражает реальную картину социальной поддержки режима.

Как и ожидалось, победу на выборах одержали представители течений консервативной ориентации (220 из 290). От либерального лагеря (сторонники Х. Роухани) было избрано только 19 человек. Остальные места получили независимые кандидаты. Спикером меджлиса был избран М. Б. Галибаф, тесно связанный с КСИР, резко критикующий политику Х. Роухани. Таким образом, консерваторы взяли под свой контроль судебную и законодательную власть. Перед ними встал вопрос о полном контроле всей государственной системы, то есть, и исполнительной власти.

Потеря поддержки высшего органа законодательной власти осложнила деятельность правительства и воспрепятствовала присоединению Ирана к резолюциям ФАТФ. Отсутствие единства действий двух властных структур привело к разработке и одобрению меджлисом «Стратегического плана противодействия санкциям», принятому в декабре 2020 г. Согласно этому документу, иранский парламент потребовал от США к 21 февраля 2021 г. снять санкции, угрожая тем, что ИРИ выйдет из Дополнительного протокола о гарантиях к Соглашению с МАГАТЭ и активизирует работы в ядерной сфере. Правительство, которое в это время осторожно налаживало

³ Chegune eqtesad-e iran roshd kard./ How Iran's economy developed. ISNA / URL: www.isna.ir/news/14.2021, (дата обращения 12.07.2021) (на перс. яз.).

⁴ Подробнее о социально-экономической ситуации в Иране в 2020 г. см. Е. В. Дунаева, Н. М. Мамедова. Иран в 2020 году — под гнетом санкций и пандемии./Восток (Oriens) 2020, N6, с. 130–139.

⁵ Natiye-ye yek nazarsanji./Results of one poll. Iran International/ URL: <https://www.independentpersian.com/node/42431/> 2020, (дата обращения 10.07.2021) (на перс. яз.).

⁶ Iran elections: Record low turnout but hardliners set for win. BBC/ URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-51605942> 2020, (дата обращения 12.07.2021).

каналы для взаимодействия с администрацией в США по восстановлению СВПД после прихода в Белый дом Дж. Байдена, было вынуждено действовать согласно этому решению.

Однако в условиях все нарастающей инфляции⁷ и роста дороговизны, а также неоднократно вводимых по стране запретов и ограничений некоторых видов деятельности из-за пандемии, большинство иранцев решение своих бытовых проблем увязывали со снятием санкций, в первую очередь, нефтяных и финансовых. Очевидно, осознание необходимости скорейшего снятия санкций утвердилось и в верхнем эшелоне власти. В результате, с апреля 2021 г. в Вене начались переговоры делегаций России, Китая, Франции, Германии, Великобритании и Ирана по восстановлению СВПД путем поиска компромиссов между ИРИ и США⁸. Несмотря на то, что руководители иранской делегации неоднократно подчеркивали, что видят возможность решить все проблемы и достичь соглашения, по мере приближения президентских выборов и усиления конфронтации политических элит стало ясно, что команде переговорщиков нынешнего правительства не позволят добиться победы. Радикально консервативные силы, стремившиеся захватить исполнительную власть, опасались, что даже небольшие успехи в деле снятия санкций могут усилить позиции либералов на выборах.

Проявившаяся в последние годы тенденция к радикализации внутренней и внешней политике, выражавшаяся в усилении позиций консервативных сил, столкнувшихся с развитием модернизационных тенденций в обществе, следствием чего стало усилившееся несоблюдение исламских норм, требования ослабления контроля власти над частной жизнью и гражданских свобод, показала, что консервативный лагерь намерен вытеснить либералов из всех властных структур. Этому способствовало падение доверия населения к правительству и лично Х. Роухани, сделавшему ставку на заключение СВПД, но столкнувшегося с непредвиденными трудностями из-за выхода США из договоренностей. Ему не удалось за два президентских срока улучшить экономическую ситуацию и решить проблемы в социально-культурной сфере, хотя первые четыре года президентства были достаточно оптимистичными. Электорат, поддерживавший президента в 2013 и 2017 гг., оказался разочарован и отказал ему в доверии. Опыт последних двух десятилетий показал, что смена консервативной идеологии на либеральную без проведения реформ в системе власти не сможет вывести страну из глубокого внутривластного и экономического кризиса. Практически все президенты ИРИ в той или иной форме заявляли об отсутствии достаточных полномочий для осуществления серьезных преобразований. Неоднократно поднимался вопрос о необходимости

⁷ За 2020 г. уровень инфляции достиг 36,5%, а в марте-апреле 2021 уже составлял 50%. — Iran's Inflation Rate Reaches An Alarming 50 Percent/ Iran International. URL: <https://iranintl.com/en/iran-in-brief/irans-inflation-rate-reaches-alarming-50-percent>. 2021 (дата обращения 10.07.2021).

⁸ Подробнее о переговорах см. Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/author/show/262/1> (дата обращения 14.07.2021).

пересмотра Конституции страны. Об этом неоднократно заявлял и Х. Роухани и предлагал проведение общенародного референдума для решения наиболее наболевших вопросов, в частности, о полномочиях Наблюдательного совета, дальнейшей судьбе СПВД.

Отсутствие электоральной базы стало основной причиной того, что реформаторы не приложили серьезных усилий для участия в выборной кампании. Очевидно, в сложившейся ситуации они осознавали отсутствие перспектив. Несмотря на отдельные попытки согласовать свои действия, некоторые группы заявили о бойкоте выборов. Отсутствие лидеров и сильная разобщенность прореформаторских партий и организаций не способствовали выдвижению единого кандидата, хотя большинство политических групп поддержало бы вице-президента И. Джахангири. Руководство движением отказалось от коалиции с умеренными, как это было на выборах Х. Роухани. Однако часть организаций, например Каргозаран, заявили о поддержке кандидатуры А. Лариджани, представлявшего наиболее либеральный спектр консерваторов-прагматиков.

Реформаторское движение в Иране, бывшее лидером политического процесса в конце 90-х — начале 2000-х годов, переживает глубокий кризис. Очевидно, что без пересмотра ряда идеологических позиций, выработки новой стратегии, проведения реорганизации и повседневной работы в массах, это идеологическое течение не сможет вновь получить поддержку в обществе.

Консервативный лагерь также, как и после выборов 2013 и 2017 гг. продемонстрировал отсутствие единства. Уже на этапе начала предвыборной кампании проявилось соперничество трех организационных структур, продвигавших своих кандидатов. Всех наблюдателей озадачивало большое количество выдвиженцев, связанных напрямую с КСИР. Свои кандидатуры выдвинули Х. Дехган — министр обороны в первом правительстве Х. Роухани, С. Мохаммад — руководитель экономического конгломерата КСИР ставки «Хатем – оль-анбия», генерал М. Резаи, бывший командующий военно-воздушными силами КСИР М. Б. Галибаф и другие. Высказывались предположения, что новым президентом может стать бывший военный. Однако было ясно, что соперничество внутри консерваторов ослабит их позиции.

Большую активность проявило наиболее радикальное крыло консервативного лагеря — Фронт Пайдари. В начале 2021 г. после смерти аятоллы Месбаха Йазди, которого называли идеологом радикальных консерваторов, главой Пайдари стал ходжат-оль-эслам М. Ага Техрани, нынешний депутат меджлиса. Вторым человеком «Пайдари» стал министр внутренних дел в правительстве М. Ахмадинежада — С. Махсули. Кандидатами от этой организации стали С. Джалили (представитель духовного лидера в Высшем совете национальной безопасности) и А. Закани (глава Исследовательского центра меджлиса).

Активную политическую деятельность накануне выборов вел бывший президент М. Ахмадинежад, который также зарегистрировался кандидатом. Он резко критиковал ситуацию в стране, действия властей, призывал к пересмотру политики, даже обратился с письмом к Дж. Байдену, в котором отметил, что «нормализация отношений ИРИ и США придаст сильный импульс мировым процессам»⁹. Популярность бывшего президента оказалась достаточно высока, и большинство социальных опросов показывали, что он занимает первые строчки среди иранских политиков.

В ходе нынешней президентской кампании практически незаметной оказалась роль Общества борющегося духовенства, которое определяло политику консервативного фланга в первые двадцать лет исламской республики, выдвигая кандидатов. Если в последующее десятилетие кандидаты еще пытались заручиться поддержкой этой религиозно-политической структуры, то в этом году она не оказывала практически никакого влияния на отбор кандидатов, лишь призывала консерваторов к единству и накануне выборов заявила о поддержке И. Раиси. Хотя необходимо отметить, что многие из зарегистрированных кандидатов посещали Кум и встречались с великими аятоллами, очевидно, пытаясь получить их одобрение и заручиться поддержкой.

По мере приближения выборов стало ясно, что кандидатурой, которая могла бы объединить все течения консервативного лагеря, может стать И. Раиси. В последние месяцы вокруг главы судебной власти была развернута активная пропагандистская кампания. Его борьба за справедливость судебной системы, громкие коррупционные дела действительно вызывают симпатии простых людей, не утративших иллюзий относительно осуществления принципа социальной справедливости, что способствовало обеспечению ему поддержки. На выборах 2017 г. он, хотя и проиграл Х. Роухани, получил 13 млн голосов. Он представляет консервативное духовенство Мешхеда, отличающееся более радикальными подходами, и опирается на могущественный религиозный вакф имама Резы.

Можно говорить о том, что в отличие от предыдущих выборных кампаний, когда интрига сохранялась до момента объявления результатов, на последних выборах было ясно, кто победит сразу же после объявления решения Наблюдательного совета о допуске кандидатов. В этом году его действия по отклонению «неудобных» кандидатур приняли беспрецедентный размах. Не только практически все известные кандидаты либерального толка, в том числе и вице-президент И. Джахангири, несколько отошедший от основной линии консерваторов М. Ахмадинежад, ряд депутатов меджлиса, военных, но даже бывший спикер меджлиса, а ныне советник духовного лидера А. Лариджани не были допущены к выборам. Это решение вызвало шок в политических кругах и получило негативный отклик

⁹ Name-ye Ahmadijead be Joe Baiden /Letter from Ahmainejad to Joe Baiden. Donya-e eqtesad. URL: <https://donya-e-eqtesad.com/62/3735815/> 2021(дата обращения 28.06.2021) (на перс. яз.).

в обществе. Критика в адрес Совета прозвучала не только от представителей системной оппозиции, но даже от его членов, заявивших о сильном давлении на них структур безопасности¹⁰. Поднимался вопрос о том, что Наблюдательный совет превышает свои определенные конституцией полномочия. Еще до регистрации кандидатов, он внес поправки в Закон о выборах, изменив возрастной ценз, что, согласно конституции входит в обязанности меджлиса. В СМИ обсуждался вопрос о непрозрачности решений этого органа. Даже духовный лидер в своем выступлении осудил действия совета, упомянув, что он пользовался непроверенными сведениями и нанес моральный ущерб некоторым дисквалифицированным кандидатам¹¹. Эти слова А. Хаменеи в обществе были восприняты как намек на возможность пересмотра решений, однако этого не произошло. В соцсетях появились призывы к бойкоту выборов, открыто обсуждался вопрос о том, что были нарушены демократические принципы, заложенные в конституции, и фактически этим решением президент был уже назначен.

Действительно, на протяжении более 40 лет существования ИРИ именно выборы президента, парламента, Совета экспертов, местных исламских советов, которые проводились пусть на ограниченной, но всегда альтернативной основе и характеризовались активным участием населения, яркой пропагандистской кампании, являлись проявлением демократической составляющей иранской исламской системы власти. После попыток расширения демократических элементов этой системы при правительстве М. Хатами, наблюдается обратный процесс: усиливается давление на демократические институты, ограничивается их деятельность, ужесточается контроль со стороны сил безопасности за СМИ и соцсетями.

Наблюдательный совет фактически убрал с дистанции всех кандидатов, которые могли бы получить поддержку электората и, отобрав часть голосов, вывести выборы во второй тур, что угрожало победе И. Раиси. Среди допущенных до выборов семи кандидатов только А. Хеммати — директор Центрального банка и М. Мехрализаде — губернатор провинции Хорасан в конце 90-х годов — выступали представителями умеренных сил. Пятеро остальных представляли консервативное направление, причем более радикальный его спектр. Главным кандидатом среди допущенных стал И. Раиси. Его пропагандировали все государственные СМИ, радио и телевидение, был создан народный штаб поддержки И. Раиси. Ему оказывали содействие Совет пятничных имамов и Организация исламской пропаганды, представители КСИР. Двое кандидатов: С. Джалили и А. Закани сняли свои кандидатуры накануне дня выборов в пользу И. Раиси. Сошел с дистанции

¹⁰ Ahmadinejad, Larijani Supporters Slam Decision Barring Their Candidates/ Keyhan International. URL: <https://iranintl.com/en/iran/ahmadinejad-larijani-supporters-slam-decision-barring-their-candidates>. 2021 (дата обращения 10.07.2021).

¹¹ Khamenei Defends Disqualification Of Key Presidential Candidates /. Iran international. URL: <https://iranintl.com/en/iran/khamenei-defends-disqualification-key-presidential-candidates> 2021(дата обращения 10.07.2021).

и М. Мехрализаде, поскольку вопреки ожиданиям, так и не получил поддержку реформаторов. А. Хеммати, также рассчитывающий на голоса реформаторов, хотя и получил поддержку организации Каргозаран, не имел шансов стать основным кандидатом этого лагеря, хотя известно, что многие известные лица реформаторов, в том числе и М. Хатами, отдали свой голос этому кандидату.

Поскольку оставшиеся кандидаты, в том числе и М. Резаи, не смогли бы составить достойной конкуренции главе судебной власти, нарушить планы могла бы только низкая явка избирателей. Проводимые соцопросы показывали, что придут на выборы едва ли более 40%¹².

Поскольку низкая явка на выборы может поставить вопрос о легитимности выборов, консервативное духовенство активно включилось в пропагандистскую кампанию и даже грозило объявить не пришедших на голосование кафирами (неправоверными мусульманами). С обращением к иранцам выступил духовный лидер, руководители политических организаций. Даже лидеры прореформаторских партий призвали своих последователей прийти на выборы и отказаться от бойкота.

Согласно официальным данным, в целом по стране явка на выборы составила 48,8%, а по г. Тегеран лишь 26%. Самый низкий уровень явки по провинциям — 34–35% — был отмечен в останях Тегеран и Курдистан (в последнем очень сильны оппозиционные настроения). Большая часть наиболее экономически развитых останов, таких как Исфаган, Хузестан, Восточный Азербайджан, Фарс, Центральный, Альборз и другие продемонстрировали явку на уровне 40%¹³.

Победу одержал Э. Раиси, который получил 62%, М. Резаи — 12%, А. Хеммати — 8,5%, А. Газизаде — 5%. Интересен тот факт, что, согласно объявленным министерством внутренних дел данным, 14% (второй результат после И. Раиси) составили испорченные бюллетени, т.е. незаполненные или с именами неучаствующих кандидатов. Традиционно их количество не превышало 2–3%¹⁴. Такая ситуация с пустыми бюллетенями, очевидно, стала результатом проводившейся соцсетями кампании «Голосование без голоса» как ответ на завуалированные угрозы тем, кто не придет на выборы, звучавшие с религиозных и политических трибун.

Самый низкий уровень явки на президентских выборах за всю историю ИРИ и большое количество недействительных бюллетеней вызвали серьезное беспокойство в политических кругах и были расценены, как косвенное

¹² Natayej-e jadid az nazarsanji —ye entekhabat-e 1400 /Latest election poll results. /Tejaratnews. URL: <https://tejaratnews.com/%D9%86%D8%AA%D8%A7%DB%8C%D8%AC%D8%AC%D8%AF%DB%8C%D8%AF%D9%86%D8%B8%D8%B1%D8%B3%D9%86%D8%AC%DB%8C-%D8%A7%D9%86%D8%AA%D8%AE%D8%A7%D8%A8%D8%A7%D8%AA-14002021> (дата обращения 25.06.2021) (на перс. яз.)

¹³ Do shahr va Tehran rekorddar-e kahesh-e mosharakat / Two cities and Tehran- ostan set a record for declining voter turnout. /Khabaronline. URL: www.khabaronline.ir/news/15300472021 (дата обращения 25.06.2021) (на перс. яз.).

¹⁴ Natayej-e entekhabat-e 1400/ 1400 Election results./Tasnimnews. URL: www.tasnimnews.com/fa/news/1400/03/29/25237722021 (дата обращения 22.06.2021) (на перс. яз.).

выражение недовольства политикой властей. Учитывая, что неявка составила более 50%, можно утверждать, что фактически большая часть жителей продемонстрировала свое негативное отношение к нынешней власти.

Победа Э. Раиси завершила переход всех ветвей властей под контроль консерваторов и предопределила проведение ими единой политической линии, что, как предполагается, должно бы облегчить принятие решений и повысить эффективность деятельности всех государственных структур. Однако стоит напомнить, что аналогичный расклад сил после победы в 2005 г. М. Ахмадинежада вызвал обострение внутрифракционной борьбы в лагере консерваторов, в результате привел к противостоянию парламента и правительства и закончился разногласиями президента с духовным лидером и глубоким внутривластным кризисом. Устранить все негативные последствия того периода не удалось до сих пор. В настоящее время ситуация еще более напряженная. Ожесточается конфронтация религиозно-политических элит, усиливается контроль КСИР за политической, экономической, социально-культурной сферой и его вовлеченность во внешнеполитическую деятельность. Активизируются протестные настроения внутри страны, развивается забастовочное движение.

Пока новый президент не представил программу и не сформировал кабинет сложно делать оценки относительно его курса. Анализ его предвыборных заявлений показывает, что во главу угла будут поставлены экономические проблемы.

На своей первой пресс-конференции основной целью своей деятельности И. Раиси назвал обеспечение справедливости, а приоритетными направлениями в сфере внутренней политики — улучшение предпринимательского климата, совершенствование системы управления, активизацию производственного сектора, улучшение условий жизни населения, борьбу с коррупцией¹⁵.

Хотя определение внешнеполитической линии не входит в компетенцию главы исполнительной власти, и правительство решает лишь тактические задачи, исходя из директив канцелярии духовного лидера, Э. Раиси, подчеркнул, что условия в Иране изменились, и его внешняя политика не будет ограничиваться только проблемой восстановления СВІД. Приоритетом своей внешней политики он назвал «расширение взаимодействия со всеми странами мира»¹⁶ на всех уровнях и в различных сферах. Выразив поддержку переговорам в Вене, он заявил, что Иран не будет вести переговоры ради переговоров, не добиваясь конкретных результатов. Раскритиковав ЕС и США, которые не выполняют обязательств, новый президент увязал возвращение Ирана к выполнению своих обязательств по ядерной

¹⁵ Iran's Raisi Says He Will Not Meet With Biden Even If US Lifts Sanctions /Iran International. URL: <https://iranintl.com/en/world/irans-raisi-says-he-will-not-meet-biden-even-if-us-lifts-sanctions2021> (дата обращения 10.07.2021).

¹⁶ Там же.

программе с получением надежных гарантий от США и снятия ими санкций. Пока процесс достижения договоренностей приостановлен до формирования нового правительства, которое должно приступить к работе в сентябре после утверждения меджлисом всех министров.

Новый президент особо подчеркнул интерес к выводу на более высокий уровень отношений с соседями и региональными государствами. В этой связи большое внимание аналитиков уделяется отношениям ИРИ с государствами Ближнего Востока и особенно Персидского залива, и в первую очередь, с Саудовской Аравией. Очевидно, что приоритетными станут отношения с Китаем и Россией. Иранская сторона очень рассчитывает на заключение с Россией нового договора о сотрудничестве в сфере безопасности, политики, экономики и культуры.

Многие политологи выражают опасения, что консолидация власти в руках консерваторов может привести к усилению идеологической (исламской) составляющей во внешней и внутренней политике, следствием чего станет рост протестного потенциала в иранском обществе, значительная часть которого уже не готова возвращаться в период первого послереволюционного десятилетия с его идеалистическими представлениями о достижении справедливости и равноправия. Рост недовольства внутри страны будет активизировать деятельность зарубежных оппозиционных организаций по расшатыванию режима.

Литература/References

1. Е. В. Дунаева, Н. М. Мамедова. Иран в 2020 году — под гнетом санкций и пандемии /Восток (Oriens) 2020, N6, с. 130–139.
2. Ahmadinejad, Larijani Supporters Slam Decision Barring Their Candidates/ Keyhan International. URL: <https://iranintl.com/en/iran/ahmadinejad-larijani-supporters-slam-decision-barring-their-candidates>. 2021.
3. Chegune eqtesad-e iran roshd kard./ How Iran's economy developed. URL: ISNA — www.isna.ir/news/14. 2021(на перс. яз.).
4. Do shahr va Tehran rekorddar-e kahesh-e mosharakat / Two cities and Tehran-ostan set a record for declining voter turnout. /Khabaronline. URL: www.khabaronline.ir/news/1530047 2021 (на перс. яз.).
5. Iran elections: Record low turnout but hardliners set for win. /BBC. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-51605942> 2020.
6. Iran's inflation rate reaches an alarming 50 percent / Iran International. URL: <https://iranintl.com/en/iran-in-brief/irans-inflation-rate-reaches-alarming-50-percent>. 2021.

7. Iran's Raisi says he will not meet with Biden even if US lifts sanctions /Iran International. URL: <https://iranintl.com/en/world/irans-raisi-says-he-will-not-meet-biden-even-if-us-lifts-sanctions> 2021.
8. Khamenei defends disqualification of key presidential candidates / Iran international. URL: <https://iranintl.com/en/iran/khamenei-defends-disqualification-key-presidential-candidates> 2021.
9. Name-ye Ahmadinejad be Joe Baiden /Letter from Ahmadinejad to Joe Baiden. Donya-e eqtesad. URL: <https://donya-e-eqtesad.com/62/3735815/> 2021 (на перс. яз.).
10. Natayej-e jadid az nazarsanji-ye entekhabat-e 1400 /Latest election poll results. / Tejaratnews. URL: <https://tejaratnews.com/%D9%86%D8%AA%D8%A7%DB%8C%D8%AC-%D8%AC%D8%AF%DB%8C%D8%AF-%D9%86%D8%B8%D8%B1%D8%B3%D9%86%D8%AC%DB%8C-%D8%A7%D9%86%D8%AA%D8%AE%D8%A7%D8%A8%D8%A7%D8%AA-14002021> (на перс. яз.).
11. Natayej-e entekhabat-e 1400 / 1400 Election results./Tasnimnews. URL: www.tasnimnews.com/fa/news/1400/03/29/2523772 2021(на перс. яз.).
12. Natije-ye yek nazarsanji /Results of one poll. Iran International/ URL: <https://www.independentpersian.com/node/42431/2020>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Дунаева Елена Викторовна – к.и.н., старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН, Москва, Россия. Dunaeva Elena – Ph.D. (History), Senior Researcher of Center for Middle East Studies IOS RAS, Moscow, Russia.

Original article

DOI: 10.31696/2227-5568-2021-02-064-089

THE OUTLOOK ON THE TURKEY'S FOREIGN POLICY FROM DIFFERENT PARADIGMS OF INTERNATIONAL RELATIONS

Dmitry Grafov^a

a – IOS RAS, Moscow, Russia

a – graftvc@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7334-5398

Abstract: The article is attempt to evaluate the foreign policy of Turkey from the key paradigms of international relations: liberalism, constructivism, realism, neorealism and neoclassical realism. Turkish military power actively involved in Syria, Iraq, Libya, the Eastern Mediterranean, the South Caucasus with the intention to alter the existing power distribution. This may be considered as signs of the offensive realism strategy. Offensive realism asserts that states willing to use force to advance their own interests, and the survival in the international system requires to maximize power. Defensive neorealism holds that aggressive expansion collides with the interests of other states and their desire to ensure their own security in the first place. According to the balance of power theory, the expansion and maximization of power reduces the security of an offensive state by countering a coalition of balancing states. But in the case of Turkey, there are no signs of emerging a counterbalance coalition, and this is «know-how» of Erdogan's policy.

From the liberal perspective, also, there are no signs of countering of the internal and external liberal determinants (Turkish civil society, NATO's policy, affairs with liberal allies) of Turkey's foreign policy. The deadlock of joining Turkey to the EU and abolition of Atatürk's secular and republican guidelines are signs of failure of liberal approach to Erdogan's foreign policy. Turkey's offensive policy, ignited nostalgia for the Ottoman Empire, means the inability of international institutional cooperation to overcome anarchy and power maximizing instinct.

From the constructivist perspective, the social structure affects the decision-making process. And this is confirmed in Turkey. Expansionism and resentment of historical injustice towards Turkey are necessary to strengthen Erdogan's power and legitimize it. Constructivist approach may explain the meaning Turkish, Turkic and Neo-Ottoman identities. Identities and interests mutually constitute and effect foreign-policy behavior. And Erdogan shapes identities in the state and beyond on the basis of the interests of the of the power.

Neoclassical realism approach may be useful in the analysis of Turkish foreign policy too. It underlines importance of a state's domestic arrangements, particularly decisionmakers' perceptions. And, of course, Erdogan's perception is crucial for foreign policy. Perceptions usually tend to follow the actual distribution of power, but in the case of Erdogan's aggressive policy, there is a risk of misjudgment, when long-term trends are hidden behind short-term perceptions.

The main emphasis of article is on attempts to determine Erdogan's strategy and examine it from the standpoint of offensive (realism) / defensive (neoralism) approach of international relations, and evaluate its effectiveness. Erdogan has created a multipolar balancing structure of foreign relations, in which Turkish rivals restrain each other. This structure is similar to a pentahedron with Turkey in the center and its main rivals-partners on the tops. Erdogan, shifting closer to one top or another one, can effectively bargain using threats with other rivals.

Keywords: Turkey, foreign policy, liberalism, constructivism, realism, offensive, defensive, neorealism, neoclassical realism

ПОЛИТИКА

Научная статья

ОЦЕНКА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ В ПЕРСПЕКТИВЕ РАЗЛИЧНЫХ ПАРАДИГМ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**Дмитрий Борисович Графов^а**

а — Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

а — graftvc@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7334-5398

Аннотация: В статье делается попытка проанализировать внешнюю политику Турции с точки зрения различных подходов международных отношений: либерализма, конструктивизма, реализма, неореализма и неоклассического реализма. Президент Турции Р.Т. Эрдоган прибегает к военным средствам на для изменения баланса сил в Сирии, Ираке, Ливии, Восточном Средиземноморье, на Южном Кавказе, пытаясь вернуть под свой контроль отдельные территории, принадлежавшие Турции до Первой мировой войны. Такая политика президента Эрдогана может рассматриваться, как проявление стратегии наступательного реализма, которая предполагает максимизацию силы для гарантирования безопасности, продвижения национальных интересов и лишения такой возможности конкурентов. С точки зрения оборонительного подхода в неореализме, ставка на силу Турции не должна остаться без ответа сразу нескольких государств, ощущающих угрозу своим интересам. Но в случае Турции нет признаков появления балансирующей коалиции. Автор анализирует это ноу-хау внешней политики президента Р.Т.Эрдогана.

С точки зрения либерального подхода в международных отношениях, и внутренние, и внешние либеральные детерминанты (гражданское общество, демократические институты, встроенность в НАТО, либеральные союзники) должны удерживать Турцию от использования силы, но этого не происходит. Тупик в отношениях с ЕС, отказ от секулярных и республиканских принципов Ататюрка, неспособность международных институтов купировать инстинкт максимизации силы говорят о бесперспективности либерального подхода к анализу политики Эрдогана. Конструктивистский подход исходит из влияния внутренней структуры общества на процесс принятия решений. И это наблюдается в Турции. Экспансионистский курс руководства вызывает ностальгию по величию Османской империи, желание взять реванш за унижение в Первой мировой войне. Обещая отплатить за обиды, нанесенные Турции, президент Эрдоган обосновывает укрепление своей власти и её легитимность. Конструктивистский подход может объяснить попытки Анкары сформировать тюркскую, турецкую и неоосманскую идентичности, используя внешнюю политику, и оперевшись на эти идентичности, действовать с позиций наступательного реализма.

Анализ с позиции неоклассического реализма исходит из важности внутрисовременных механизмов и восприятия принимающих решения. Особенность восприятия Р.Т. Эрдоганом места Турции и современной геополитической ситуации может объяснять его желание изменить соотношение сил в регионе агрессивным образом, особенно учитывая возможность ошибочного восприятия краткосрочных отклонений в качестве долгосрочных трендов. Основной акцент статьи делается на: а) вычлениении стратегии Р.Т. Эрдогана на основе его политики в отношении ключевых акторов, которую можно назвать «торгом под угрозой»; б) оценке эффективности этой стратегии с точки зрения наступательного (реализм) и оборонительного (неореализм) подходов международных отношений. Автор приходит к выводу, что Эрдогану удалось выстроить мультиполярную балансирующую структуру международных отношений, в которой противники Турции сдерживают друг друга. Эту структуру можно сравнить с пентаэдром, в котором Турция располагается в центре, а главные конкуренты-партнеры представляют вершины. Сдвигаясь ближе то к одной, то к другой вершине, Эрдоган

может успешно торговаться и шантажировать в балансирующих треугольниках, угрожая или потакая интересам ключевых акторов.

Ключевые слова: Турция, международные отношения, либерализм, конструктивизм, реализм, наступательный, оборонительный, неореализм, неоклассический реализм

Liberal perspective

Traditional middle powers are wealthy, stable, egalitarian, social democratic and not regionally influential that stabilises and legitimises the global order¹. While still Prime Minister, Recep Tayyip Erdogan was following the way of global reform and European integration. He took the power by democratic way, but then restrict democratic order. Emerging middle powers demonstrate much regional influence and self-association, they seek also to construct identities distinct from those of the weak states in their region, but they do not pretend to power distribution or redistribution.

After the Justice and Development Party (AKP) came to power in 2002, Erdogan made attempts to revise foreign policy towards Arab region and the Islamic world. In 2010, he supported «Gaza Freedom Flotilla» Operation. Israeli troops boarded the ships, and nine activists were killed by Israeli troops. Relations between Israel and Turkey were strained, but Israel subsequently eased its blockade of the Gaza Strip. Turkey's foreign policy has seen many changes since former Prime Minister Recep Tayyip Erdogan took President office in 2014.

Erdogan's evolution took place gradually from the flirting with political Islam ideas to the rising tide of national populism. Since Gezi Protests in 2013 the Erdoğan's regime creates its populist disguise on the base of ideas of neo-Ottomanism. Turkish President uses collective nostalgia, referring to the good old glory days of the Ottoman Empire, exploiting resentment of the broad population, promising to create a new «Great Turkey» but, in fact establishes his own regime of neo-Sultanism². The turning point of Erdogan's semi-authoritarian rule was the widespread repression after the suppression of a military coup in 2016. Hundreds of military officers, judges, officials, politicians, journalists were imprisoned on charges of ties with the plotters. Erdogan, pushing for constitutional amendments, changed the system of government from a parliamentary semi-democratic to a presidential semi-authoritarian one in 2017–18. The failed coup attempt against Erdogan's rule has become a the turning point in Turkey's foreign policy too³.

Liberal international relations theory holds three interrelated principles. Rejection of power politics till it is possible. The gaining mutual benefits of international cooperation. The using international organizations and nongovernmental actors for shaping state preferences and policy choices. The states are seeking more cooperation and less conflict, they resolve disputes in a non-violent way using International institutions, such as the United Nations. A States, embedded in domestic civil society and international democratic system that decisively constrain aggressive actions, interested in international trade because

when countries economies are interconnected through trade they are less likely to go to war with each other⁴.

Turkey, staying a critical NATO member and desperate candidate for membership in the European Union, has refashioned itself as a revisionist power challenging its regional neighbors and also treaty allies like United States, Greece and France. Erdogan has taken steps that have put it openly at odds with Washington and the rest of the alliance — including acquisition Russian S- 400 air defense system, threaten of drilling inside the Greek continental shelf⁵. Turkey occupied Idlib, Afrin and the surrounding area in Syria's Aleppo Governorate, fighting U.S.-allied Kurdish fighters. Erdogan undermines U.S. policy on Iran, helping Iran evade American sanctions. Turkish President is establishing a military presence in the Red Sea, heightening tensions between Egypt and Turkey as well as Egypt and Sudan. Turkey escalates violating Greek airspace, threatening the stability of the Aegean Sea.

All this is a clear sign that Turkey does not adhere to the Westernist and status quo-oriented foreign policy. And the recognition of the US policy as American hegemony does not match the liberal theory of international relations. On the contrary, Erdogan uses the liberal theory as a cover for Turkish policy in Syria. He justified involvement in Syrian civil war by defending civil liberties, humanitarian intentions, protecting Syrian refugees, Sunnis, Turkomans and other various oppressed identities.

The approach of neoliberalism admit that democracies do in fact fight wars. However, democracies do not fight wars with other democracies because of liberal values, principals and economical dependence. Therefore, democratic states are more likely to resolve issues diplomatically. Furthermore, citizens in democracies are less likely to think of citizens in other democracies as enemies⁶. This theory is difficult to apply to the Turkish foreign policy. It isn't a policy of democratic and liberal state.

Constructivist perspective

The term constructivism makes the stress the socially constructed character of international relations. The constructivists claim that international normative structures matter in world politics⁷. Any policy has roots, trunk and leaves. The roots and leaves of Turkish foreign policy are well matched with constructivism because international relations are not only affected by power politics but also by ideas shared by those who describe themselves as constructivist. Erdogan is an active constructivist. Moreover there are state-based foreign policy elites that adhere an ideas of New Great Turkey that Erdogan exploits, and that impacts upon foreign policy construction. Constructivist analyses focus on «broader social structural context»⁸. There are a lot of Turks that agree to support idea of Turkey's rising, they support Erdogan, share resentment of unjust place of modern Turkey, determined by powerful states during XX century.

The next key element of policy construction is identities. The formation of a Ottoman national identity, overarching ethnic, linguistic and religious identities, was a core of Ottomanism in the nineteenth-century. Neo-Ottomanism was emerging as a key framework of Ahmed Davutoğlu's strategic thinking^{*}, it is supplemented by liberal elements, such as soft power, conflict resolution and promotion of «win-win» solutions⁹. Following this view, Turkey is a Middle Eastern, Balkan, Caucasian, Central Asian, Caspian, Mediterranean, Gulf and Black Sea country, can simultaneously exercise influence in all these regions, using common identity and thus claim a regional superpower role. Identities exert on security policies and related behaviors. Identities are necessary in order to ensure at least some minimal level of predictability and order¹⁰. The concept of soft power is usually considered as a foreign policy tool in the liberal paradigm. But in Turkey's foreign policy strategy, «soft power» is used to create a Turkish identity in «strategic depth» and can be recognized as a reliable tool from constructivist perspective. There is wrong to interpret the turn of Turkish foreign policy as in the direction of Islamism, or Pan Turkism. «Pan Turkism» or «Islamism» are used mainly as for legitimizing foreign-policy preferences and for strengthening a Turkish identity.

Turkey's approach to the West has evolved from the idea that membership in Western Institutions, most notably the European Union, is a must for rising and strengthening to an other idea that the identity politics is more significant¹¹. Another basic statement of constructivists is that international organizations participate in the processes of social construction of actor's ideas about its own interests. This influence can be considered negligible or insignificant in the case of Turkey. The constructivism of Erdogan's foreign policy pursues only one goal — to strengthen and legitimize his own power.

The constructivism approach helps to explain the reasons of the Turkish identity-based foreign policy and the ways of its representation. But it says nothing about how to successfully realize this policy on the international stage. Any policy should have a trunk (shaft), not only the a roots and leaves, in order to succeed, overcoming the resistance of other actors. The «power politics» is still a necessary leverage, despite the fact that it is socially constructed. The point of intersection of constructivist and realistic perspectives is Davutoglu's concept of «strategic depth», used to denote Turkey's geographical and historical relations in the Middle East, which, as the name implies, place military and strategic power at the forefront¹².

Realism and Neorealism perspectives

At first glance, Erdogan acts like a follower realism theory with offensive approach. The Turkey's policy demonstrates competition, ambitions and readiness to escalate conflicts. He poses Turkey as power maximizing, fearless state, willing to

^{*} Former diplomat who served as the 26th Prime Minister of Turkey and Leader of the Justice and Development Party (AKP) from 2014 to 2016. He previously served as Minister of Foreign Affairs from 2009 to 2014 and chief advisor to Prime Minister Recep Tayyip Erdoğan from 2003 to 2009.

be successor of Ottoman Empire. We first saw the offensive behaviour of Turkey in the Syria. Erdogan did not tolerate Russia's involvement in the Syrian civil war on the side of Bashar al-Assad. He acted in a mirror image. He supported the opposite side. He stated that the Syrian Turkmens and other Sunnis are under the protection of Turkey and then occupied the North Syria. As Russia helps the Assad regime, Erdogan supplies military equipment to Assad's opposition and builds networks of strongholds with Turkish infantry on the occupied territory.

At the beginning of the civil conflict, it was believed that Turkey was going to promote regime change in Damascus, as well as provide Turkey with a place at the negotiating table on the future of Syria. But then, it becomes obvious that Erdogan was interested in establishing control over the territories inhabited by friendly Turkomans, as well as clearing Northern Syria of Kurds that Turks treated as terrorists. All that makes possible to consider Turkey's foreign policy from the offensive realism perspective.

In the theory of realism, states are in an environment of insecurity and can never be certain about the intentions of other states. The international system is anarchic, and the main goal of states is to increase their own strength for survival¹³. In the theory of realism, states are in an environment of insecurity and can never be certain about the intentions of other states. The international system is anarchic and the main goal of states is to increase their own strength for survival.

The main shift in Turkish foreign policy was in choosing of tools. Before Arab Spring Ankara used diplomatic and economic tools and persuaded its goals through the policy of «openness» especially on the neighboring countries. This is considered a major shift in Turkish foreign policy toward the Arab countries¹⁴. In 2014, Erdogan resorted to the military tools to implement its objectives in Syria. Bright example is decision to attack Russia's fighter jet Su-24 on the Syrian — Turkey border and sending Turkish army into northern Syria to fight a U.S.-allied Kurdish militia.

The theory of offensive realism is opposed by defensive neorealism. This assumption asserts that the main goal of states is not to maximize power, but to strive for maximum security and create conditions for preventing aggression. An aggressive expansion one of states will face with a balance of power on the part of other ones that are concerned about ensuring their own security. Defensive neorealism points out that the structure on international system should limit offensive behavior¹⁵. The Turkish president does not act as a direct or outright offensive realist, but as a smart one. He chooses new pain points of Russian interests — Libya, Armenia, and Ukraine — to counter Russia. Erdogan threatens Greece. But France and the EU stand behind the Greece. And Athens has no intention to threaten the Turkish border. Erdogan threatens the US to block its access to military bases. But there are no signs of the emerging of coalition of states that should balance the offensive state in terms of offensive realism. This can be explained through balancing in triangles that Turkey uses to restrain its own rival-partners by each other.

Turkey's balancing in Syrian Triangle between Russia and the US

The Russia's attempt to save the Assad regime was unexpected for Erdogan. He has his own plan for the reshaping of Syria to the benefit of Turkey at the expense of Hama, Aleppo and the Kurdish areas. Unleashing the Russian operation in Syria was a way out of Moscow's political isolation in the international scene after the joining of Crimea. There is no other reasonable explanation for why Russia has frozen the vital conflict with Ukraine in Donbas and Luhansk and decided to demonstrate force far from its borders in order to save a nonessential ally¹⁶.

There are three points of confrontation between Russia and Turkey in Syria:

1. Erdogan supports the Syrian armed opposition that fights government forces. Russia stresses the difference between the Syrian political and armed opposition, arguing that the political opposition is certain part of peace solution of Syrian civil war through the Constitutional Commission. But Russia's military operations in Syria is a clear sign to the armed opposition that it should lay down the weapon to survive.
2. Another Erdogan pretext for countering Russia is defending Turcomans from bombing. Turkish president states that Turcomans and Turks have a common Turkic origin^{**}, they are not a terrorists and North part of Syrian Idlib province is their homeland¹⁷.
3. The Syrian Kurds chose independence from the Assad government and, as allies of the United States in the fight against the «Islamic State», were attacked by Turkey. Russia protects the Kurds from the Turkish offensive in the north-eastern regions of Syria. On the one hand, Russia is trying to mediate between Assad and the Kurdish leaders, and on the other hand, Moscow has a goal to weaken the Kurdish-American ties.

Moscow and Ankara try to avoid direct clashes, but they are engaged in a veiled struggle. Russian President V. Putin doubted the existence of the turkomans and presented the bombing of «turkomans» as the sweeping of Islamist terrorists¹⁸.

Russia's diplomacy has invented many tools to counter Turkey's offensive behavior in Syria. One of them is the «Astana Format». This forum for peace talks was officially established in 2017 to help in negotiations to end the Syrian conflict, but the main goal of Russian policy is to bind Erdogan by agreements with assistance of Iran to limit Turkish military activity in northern Syria¹⁹. The ceasefire was reached in Idlib province but is violated from time to time. Erdogan and Putin agreed on the presence of Turkish strongholds in northern Syria and joint patrolling of the front line. More than a dozen meetings were held in the Astana format²⁰. Also, there is a bilateral framework of interaction between Russia and Turkey, that has produced a lot of joint Memorandums of Understanding²¹. Moreover there are

^{**} Turkic language family that Erdogan uses for supporting his demands, was a historical Turkic tribal confederation conventionally named the Oghuz Yabgu State in Central Asia during the early medieval period. Today the residents of Turkey, Turkmenistan, Azerbaijan, Khorezm, Turkmens of Afghanistan, Gagauzia are descendants of Oghuz Turks. The term incorporates the Iraqi Turkmen/Turkoman homelands running from Iraq's border with Turkey and Syria and diagonally down the country to the border with Iran. Anderson Liam, Stansfield Gareth. *Crisis in Kirkuk: The Ethnopolitics of Conflict and Compromise*, University of Pennsylvania Press. 2009.

meetings of Russian-Turkish Joint Strategic Planning Group that is a part of High-Level Cooperation Council²². But all this is connected with the bargaining around territories controlled by Turkey through Syrian armed opposition and affiliated islamic groups (Hayat Tahrir al-Sham, Jabhat al-Nusra, etc.).

Turkey is facing off against the United States in northeastern Syria where the Kurds have challenged Assad's rule. The United States supports and protects the Kurds and helps them to create their own democratic state. Turkey considers unacceptable the U.S. alliance with the Syrian Kurdish People's Protection Units (YPG). Erdogan considers the Kurdish Self-Defense Units (YPG — PYD) to be terrorists that must be destroyed as well as the «Islamic State», also he accuses Washington of «standing by terrorists» in Syria. The Turkish forces launched operation «Spring of Peace» against the YPG and SDF (Syrian Democratic Forces) in 2019 and hit the targets on Kurdish-controlled territory in significant depth threatening the American strongholds. President Donald Trump has ordered to pull the majority of US troops from the country's north to avoid to avoid injuring American soldiers. The US government tried to urge Turkish president to halt his incursion, but, despite Turkey is a NATO ally, one attack US troops in Syria was happened²³. President Erdogan agreed to Russian President Putin's proposal to limit Turkey's incursion to a buffer zone, after which Russian military police and the Turkish army patrolled a 10-kilometer zone along the border²⁴. Some American observation posts were occupied by Russian troops.

Thus, there are triangle of opposing interests between Turkey, Russia and the United States. Moreover, this confrontation is not limited to the Syrian conflict and includes Turkey's acquisition of the Russian S-400 air defense system, the US sanctions against Turkey, the Turkey's demand for the extradition of a preacher Gulen and irritation with Erdogan's behavior in NATO.

The most desirable Erdogan's goal in relations with the US is extradition of Muslim religious leader Fethullah Gulen who has lived in self-imposed exile in the US since 1999. Turkey officials blame Gulen masterminded the 2016 attempted coup. Also before to the failed putsch, Gulen's movement collected compromitation files, attacked top officials and ignited a 2013 corruption investigation that targeted figures close to Erdogan²⁵. But the Trump administration refused to extradite Gulen. Despite Turkey is key American ally on the south of Europe, White House and Congress criticize Erdogan for restriction freedom of assembly, association and highest number of imprisoned journalists in the world. President Erdogan rules in a largely authoritarian manner, although retains formal democratic institutions. He further consolidated power in June 2018 presidential and parliamentary elections by amending the Constitution.

First sanctions were imposed by Trump Administration on Turkey for incursion in Kurdish region. It was announced of reimposing steel tariffs of 50 percent on Turkey and halt trade negotiations with the country immediately²⁶. The Trump administration imposed sanctions on two government ministers over the detention of American Pastor Brunson and rised additionally tariffs on Turkish steel and

aluminum in 2018. Erdogan has declared in request that the United States was engaged in «economic warfare» against Turkey²⁷.

Erdogan uses bargaining in combination with pressure or threat. The lever of pressure on the United States is the purchase of Russian weapons. Turkey has acquired the Russian S-400 air defense system for \$2.5 billion. The Trump administration tried to derail the deal by making a counter-offer: US officials made it clear to Ankara that it could buy the Patriot Raytheon surface-to-air missile system for \$3.5 billion. But Ankara began to bargain, demanding a much lower price. The US has refused to deliver F-35 fighter-jet for Turkey in response to the purchase of the S-400. Then Washington has imposed on Ankara secondary sanctions outlined in detail in the Countering America's Adversaries Through Sanctions Act (CAATSA). CAATSA includes penalties for countries or companies that engage in significant transactions with entities linked to the Russian Ministry of Defense and Intelligence Services²⁸.

In response Erdogan has threatened to kick the US forces out of the Incirlik air base if Washington implements CAATSA. Turkey continues to discuss this option, threatening the US. State Department and Congress intensifying plans to move military assets from Incirlik to Greece²⁹. In response, Erdogan balances the American pressure by demonstrating the possibility of purchasing Russian Su-35 or Su-57 fighter jets. Turkey's military dependence of the U.S. will become critical in the case of war with Greece, another member of Alliance. But there are no signs that Erdogan are succeeded in pressuring on the US using Russian lever.

Meanwhile, Turkish President has other bargaining chips. If the US Administration will argue that Turkey becomes an increasingly unreliable NATO ally, Erdogan can overbalance American threats through military cooperation with China or deepening cooperation with Iran not only by purchasing more oil and gas, but also in the military field. Cooperation in the Turkey — Qatar — Iran triangle is already running with Qatar's strengthening role. The US authorities have long suspected that President Erdogan and his relatives have special interests in deals with Iran. The deputy general director of the Turkish Halkbank, Mehmet Hakan Atilla, was sentenced in the United States to thirty-two months in federal prison. The trial revealed Ankara's extensive efforts to help Tehran evade sanctions³⁰. Erdogan's policy has led to the only result that the United States does not consider Turkey as ally in the great power competition, as it did during the Cold War. But Turkey's attempts to balance the US and Russia with threats and bargaining continue.

Balancing in Libyan Triangle

Turkey has supported the head of the Government of National Accord (GNA), al-Saraj, based in Tripoli, in the Libyan civil war against the head of the Libyan National Army (LNA), Khalifa Haftar, based in eastern Libya. LNA gets support by the United Arab Emirates, Russia and Egypt. Turkey has signed with Libya the

Memorandum of Security and Military Cooperation and provided the training and military support to GNA.

Also, Erdogan has sent its troops to Libya. And the Turkish parliament has approved the extension in troop deployment. Ankara and Tripoli signed a pact on military cooperation, as well as an agreement on maritime boundaries in the Eastern Mediterranean³¹. Turkey has sent a large shipment of military equipment to pro-GNA militias fighting the LNA. The troops of mercenaries was recruited from the Syrian opposition, and transferred to Libya too. Haftar's attack has failed to break through the GNA's front lines along the capital despite the support of Russian privat «Wagner group» military company. Turkish Bayraktar TB2 unnamed combat aerial vehicle (UCAV) played the important role in the defeat of Russian air-defense «Pantsir S1» systems, that were re-exported from the United Arab Emirates³². The successful using of Turkish drones was repeated later in Syria. Erdogan has demonstrated that Russian troops cannot protect themselves either in Syria or in Libya. His goals are to counter or block Russian forces in Syria by Libyan lever and save the Government of National Accord, led by Fayez al-Sarraj. The result is semi successful. Moscow and Ankara have signed ceasefire agreements in Libya. Erdogan hasn't ousted Russia from Syria but signed with Putin agreement that stipulated the creation of the «safety corridor» along the country's crucial M4 highway, which Russian and Turkish forces would patrolled together. The agreement effectively preserves Idlib as the country's last remaining rebel stronghold, while preserving a Turkish foothold in the region.

Russia has the potential to create a balancing coalition with Egypt and the United Arab Emirates against Turkey in Eastern Mediterranean but it is obvious that Erdogan can increase the threat to Russian interests in other places, for example, in the Ukrainian direction. Erdogan intimidates, contains, but doesn't cross the red line. The next moment, he can appear at other place and create new position with new ally and new threat. Turkey has demonstrated this in Livia after clashes with Russia in Syria and repeated it once again in Azerbaijan during Karabakh war in 2020. Turkish president does not act as a straight offensive realist, but, as a smart one he uses bargaining with a threat. This behavior may be considered as offensive and (less so) defensive bargaining.

Balancing in Greek Triangle

Turkey undertakes increasingly serious steps that put it at odds with Washington and the rest of the Alliance members over Greece. Conflict with Athens is not dispute about offshore resources only. Greeks are considered by Turks as sacral and historical foes. Turkey has never forgotten the Treaties of Sevres and Lausanne, which defined the defeat of Ottoman Empire in First World War and caused to reduction of the modern Turkish Republic state territory³³. Istanbul, Western Thrace, Western and Southern Anatolia were occupied. In 1920 Turks rejected «Treaty of Sevres». The Turkish War of Independence has began after the withdrawal of

part of Allied troops (Britain, France and Italy) The leader of the Turkish National Movement, Mustafa Kemal, has fought a fierce war against especially on Greece during the 1922–1923 and defeated the army of Greeks in the Greek — Turkish war. But «Lausanne Treaty» forced Turkey to give up Western Thrace and the most of islands in Aegean sea — part of core Ottoman Empire — to Greece³⁴. President Erdogan recognize relevance of Misak-ı Milli National Oath that has been announced by the last term of the Ottoman Parliament in 1920. The Misak-ı Milli claims that the territories inhabited by a Turkish majority are the homeland of the Turkish nation. From this the Turkish claim to Western Thrace, northern Syria, northeastern Iraq comes³⁵.

Also, the «Aegean Dispute» is a consequence of Lausanne Peace Treaty³⁶. The main driving forces behind the very problematic relations between Turkey and Greece are raised over maritime and aerial zones of the jurisdiction in the Aegean Sea and and Greece safety of its islands in the Aegean Sea. The struggle Turks to reestablish and extend their zones of jurisdiction over the Aegean Sea began after they lost their control along with the collapse of the Ottoman empire and the Greeks established zones of influence over it in accordance of the Lausanne Peace Treaty. Nowadays Turkey doesn't recognize the legal continental shelf and the exclusive economic zones around the Greek islands. Turkey has applied the 12-mile width of territorial waters limit to its coasts outside the Aegean. Greece has already done the same in the Ionian Sea and states that it reserves the right to apply this rule and extend its territorial waters from 6 to 12 miles at some point in the future in the Aegean Sea too. 12 miles territorial waters has been allowed by the United Nations Convention on the Law of the Sea of 1982 (Art.3). Turkey strongly opposes this. The Turkish parliament officially declared that unilateral action of establishing territorial waters by Greece in the Aegean Sea would constitute a «casus belli»³⁷.

Turkey and Greece were on the brink of war or unleashed the battle many times. Full scale Turkish invasion of Cyprus was happened in 1974. That year Turkey sent an oceanographic vessel followed by warships to explore part of Aegean Sea where Turkish and Greek continental shelf overlaped. Greece sent a diplomatic note to Turkey and sent out a naval force. In 1976, Ankara sent a scientific ship, accompanied by a warship, to collect seismic data around Lesbos Island. Greek authorities have placed country's armed forces on full alert. In 1987 the Turkish ship was about to enter disputed waters to conduct an oil survey. The Greek Prime Minister ordered the ship to be sunk if found within disputed waters³⁸.

There have been many accidents with dogfighting between Turkish and Greek fighter jet near the islands in Aegean from 1992 to the present. Several jets of both sides have been shot down. Similar incidents were happening in disputed waters between patrol, reconnaissance, coast guard vessels of both countries. On the one hand, Greece and Turkey have long been held back by the Alliance. Now Turkey shows less willingness to obey NATO integrity. On the other hand, the agreement on maritime boundaries in the Eastern Mediterranean, signed by Turkey and Libya, legitimates and ignites Turkish claims on disputed shelf.

So, firstly, in the Mediterranean, Turkey confronts Greece and its NATO allies, primarily France and Germany. Secondly, the Turkish-Libyan agreement on maritime borders in the Eastern Mediterranean is a blow to Egypt's interests. The clash with Greece threatens the Turkish economy that will be severely affected by US and European heavy sanctions. Germany has called on Turkey to end its gas and oil drilling in contested regions off Greek islands and expressed cohesion with Cyprus and Greece as partners³⁹. France has recalled its ambassador to Turkey for consultations after R. T. Erdogan insulted his French counterpart E. Macron. He said Macron needed mental help over his attitude towards Muslims⁴⁰. In this direction, Turkish President acts as a constructivist representing clashes with the UE' counterparts as protection Muslims and Islam, accusing NATO of unwillingness to support Turkey's fighting terrorism in Syria.

France and EU stand behind the Greece but they hold Turkey back deliberately and gingerly, because Russia will be happy to provide any military equipment, any resources, any support to any NATO troublemaker. So, Erdogan is free to use pressure and threats in the Mediterranean triangle, because his geopolitical rival-counterparts have different or opposite interests in many points, and the result is their mutual deterrence.

Balancing in Russia's backyard (Azerbaijan, Kazakhstan, Uzbekistan, Ukraine)

Turkey and Russia, despite the clashes in Syria, talk a lot about cooperation. In 2020, Erdogan and Putin launched a new gas line to export Russian gas to Turkey and Europe, and they promised to follow the path of cooperation in trade and diplomacy⁴¹. Erdogan and Putin are meeting ahead of the Berlin conference on the Libyan, and warring sides of the Libyan conflict announced a cease-fire in response to the call of Turkish and Russian leaders. Russian Foreign Minister Sergei Lavrov and Turkish Foreign Minister Mevlut Cavusoglu backed an immediate ceasefire agreement between Libya's warring rivals during a meeting of the 5+5 Joint Military Commission in Geneva⁴². In 2020, Erdogan visited Russia amid tensions between Ankara and Moscow over new clashes opposition troops with Syrian government forces in Idlib⁴³. Turkish and Russian forces are carrying out joint patrols in Northern Syria and Idlib province to sweep YPG/PKK «terrorists» and radical islamists. Russia, Iran and Turkey held a trilateral video conference meeting of the heads of state for facilitating the Syrian peace settlement⁴⁴. In 2021, Putin and Erdogan launched a third stage of the Russian nuclear power plant in Turkey⁴⁵.

But actually, Ankara and Moscow try to achieve the dependence of the opposite party. Russian agricultural market and Russian tourists give more than \$30 billions to Turkey. But Ankara can throttle the supply of Russian gas. The sales of Russian atom electricity will depend on the Turkish energy regulator. Also Erdogan may cancel joint patrolling missions and launch full scale offensive with total occupation of Idlib. Putin has no doubt that the US and the EU will support Erdogan against him.

Meanwhile, Erdogan has chosen new painful point of Russian interests — Armenia, where the Russian military base is located. He has pushed his ally President of Azerbaijan to launch an offensive against Karabakh, which is under the control of Armenia, but Azerbaijan defined this region as its own. Turkey has delivered Bayraktar drones to Azerbaijan. The influence of Turkish homemade drones has been substantial on the battlefields of Syria and Libya. These drones played a crucial role in the fighting over the contested Nagorno-Karabakh region and ensured the defeat of Armenian troops armed with Russian weapons⁴⁶. Moscow was unpleasantly surprised that Azerbaijani troops raised Turkish flags wherever they had won in Nagorno-Karabakh.

In addition, Erdogan has intensified cooperation with the former Soviet republics in Central Asia. In 2020, the defense minister of Turkey Hulusi Akar has visited Uzbekistan, Kazakhstan and signed a military agreement about further cooperation in the fields of military, defense and security. After Turkey has supported for Azerbaijan in its latest war with Armenia under the motto of «one nation two states,» Erdogan began rapprochement with Kazakhstan, Uzbekistan, Azerbaijan, Kyrgyzstan and Turkmenistan under the new motto of «one nation six states»⁴⁷.

Turkey shows even closer rapprochement with Ukraine. Erdogan doesn't recognize joining of Ukrainian Crimea to Russia, he repeats it year after year. In 2020, President Recep Tayyip Erdogan and Ukrainian President Volodymyr Zelenskiy has signed of a «goodwill» agreement concerning the defense industry and a «military framework agreement»⁴⁸. Defense cooperation implies producing drones, jet engine, warships and exchange of intelligence information. This is similar to Turkey's warning to Russia. And Erdogan can go further, threatening Russia's interests in Donbas and Luhansk, providing direct military support to Ukraine.

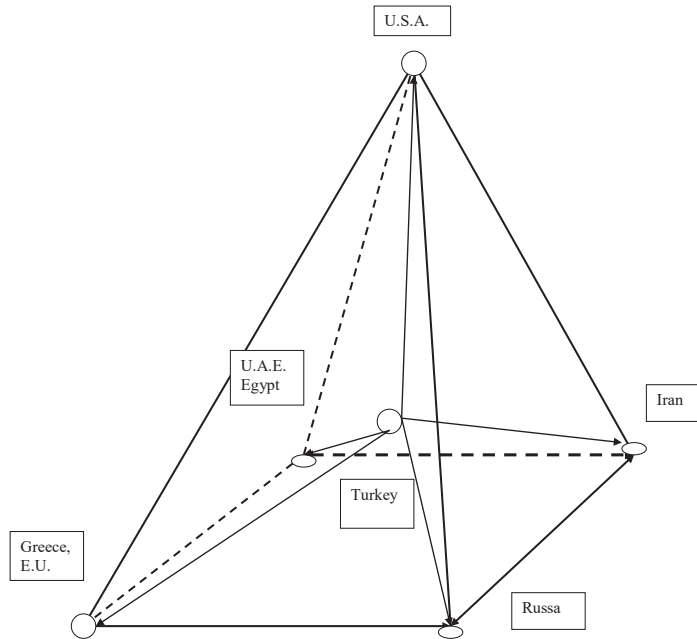
The model of multipolar balancing

According the defensive realism, that is part of neorealism, an offensive states should be counterbalanced by other states seeking to maintain the status quo. In spite of international anarchy it does not reward aggression⁴⁹. Any attempt to maximize power by offensive state or defiance of the international order should get a respond of international structure. Defensive neorealists argue that the anarchic nature of the international system encourages states to undertake defensive and moderate policies⁵⁰.

Turkey has increased its own power, damaged the security of border states, and violate the interests of other states. But in the case of Turkey there is no a deterrent reaction of balancing coalition. Turkey itself has created a balancing «anti-coalition». The balancing structure that Erdogan designed can be depicted as the pentahedron with the rival-partners of Turkey at the tops and Turkey itself at the center of the pentahedron. (Fig.1)

Figure 1

The structure of Turkey's interaction with the main counter-partner-adversaries



The US can't impose full pressure on Erdogan because he will shift to Russia. He will balance the pressure of any EU members backing Greece's interests in the same way. Putin has experienced for itself by Erdogan balancing Russia's activity through different triangles: in Libya, Caucasian, Central Asia, Ukraine. Turkey had sometime strained relations with Iran, but Erdogan was involved by Russia in the «Astana format» of the Syrian settlement with the participation of Iran. Erdogan can get closer to Iran and counterbalance US pressure, or, conversely, stand up to Iran and be more useful to the US. The possibility of such balancing worries the United States. Turkey has reduced its imports of Iranian oil under the pressure from the Trump administration. But Erdogan doesn't refuse to buy gas from Iran, challenging U.S. efforts to isolate Tehran. At the same time, Turkey agreed to install an anti-missile radar, which is part of anti-Iran's missile warning system.

Beside, Erdogan also has another trump card in his pocket. He can support Palestinians by military power. After the new clashes between Israel and HAMAS have erupted, Turkey's Foreign Minister Mevlut Cavusoglu has proposed to form an international protection forces for Palestine's civilians in an emergency meeting of Organization of Islamic Cooperation. He told that «the Ummah expects our leadership and courage, and Turkey is ready to take whatever action is necessary»⁵¹.

Turkey's involvement in the Israeli-Palestinian war will force the United States to discuss Turkey's interests at different points.

This multipolar balancing makes Turkey hard invulnerable to any rival partner from any top of the pentahedron. Moreover, Erdogan has more room to maneuver in the middle of the balancing pentahedron, he can maneuver and solve the problems with his rival-partners on the pentahedron tops one by one. Turkey uses the same algorithm with minor changes: 1. Making demands. 2. Demonstration of the threat for opposite interests. 3. Execution of part of the threat, demonstration of possible losses. 4. Balancing the reaction (response threat). Creating new position and raising the bet in the dispute. 5. Demonstration of the possibility of bargaining and possible benefits. 6. Offering of a deal under the pressure.

Erdogan appears as a troublemaker, yet his strategy should be recognized as not only balancing, but also a bargain under a threat. He uses not only the pressure in dispute but shows that he can be useful for counter partner in other areas. For example, Erdogan likes criticise Alliance and appears like «NATO dissident». And this is what Russia likes. It is also Russian strategy to pull the Turks away from the NATO and thereby weaken the transatlantic Alliance.

Turkey has something to offer to any rival partner in exchange for situational support. Erdogan is ready to do much to improve relations with the United States. He makes a sign that he is ready to interrupt purchasing of Russian arms and to procure air defence systems from any NATO ally on satisfactory terms. The question is what to do with Russian S-400 air defence system that was purchased. One option is to transfer it to another country. Turkey could propose to give it up to Northern Cyprus. The bargaining is the national Turkish art. Erdogan knows that Washington will willingly support him against Moscow or Tehran. And Russia could make some concessions to Erdogan in order to use him against the US.

The bargaining using a threat

To hurt the interests of competing partners is not the goal of Ergogan in the first place. He uses force to persuade stubborn partners in the first place. But it isn't well known «policy of carrot and stick», it seems like the «Bargaining Model of War»⁵². This model in international relations theory presents the relationship between rivals as a dilemma of reliably estimating the ratio of benefits to losses in the event of war. The question is whether a war or a bargain will provide better ratio of benefits and losses. The model assumes that war is the undesired outcome for both actors, it is always costly and all actors involved suffer a cost of war. Bargaining is defined as an interaction where no one actor can benefit without suffering a loss. But the cost of bargaining is less than the cost of war. And one of the rivals, threatening the another, exaggerating the potential losses, tries to convince him that it would be better to make the concessions that does not lead to war.

Bargaining in this model is defined as interaction for the purpose of redistributing power. Actor A forces actor B to decide that a small benefit after a new slicing of

common cake is better than the large cost of containing actor A. The same goal is pursued by a classic war (dumb war), but bargaining using a threat is a smart war.

One of the assumptions of the model is that the lack of information and the high level of uncertainty between the actors lead to war. The motives and consequences of war are only revealed during the war, which allows the actors involved to adjust their behavior and motives to a lesser extent. Bargaining power is based on a lack of information, uncertainty, and pressure⁵³. At the same time, it can be recognized as a kind of offensive realism. Erdogan, using bargaining power, demonstrates that the price of opposing him will be greater than making concessions to him. And it will be better to accept his terms, because he can take a new position and force his opponent by new levers from new positions.

As an example, the bargaining model of war can be applied to the confrontation Turkey with Greece. Both sides express willingness to fight and evaluate the ratio of benefits and losses in their own favor. The line to accept any deal that divides the good anywhere between points A and B represents a good that Greece and Turkey are willing to fight over (Fig.2). Each state suffers a cost of war that diminishes the good. Initially Greece is optimistic about the division of a good as a result of confrontation. But Greece estimates of the good less optimistically after Turkey's intimidation. The costs of war are calculated into the outcome (line Ag1 — Cg1).

Fig.2

Representation a good that Greece and Turkey are willing to fight over before Turkey's intimidation (as an example)

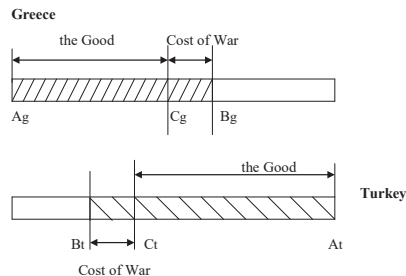
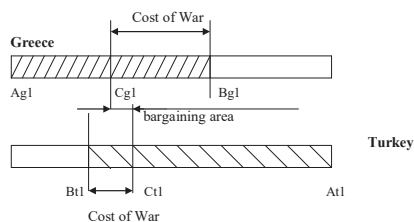


Fig.2b

Representation a good that Greece and Turkey are willing to fight over after Turkey's intimidation (as an example)



Turkey is also not interested in the financial and human losses that would be a result of the war. Being under the pressure Greece could accept the Turkish conditions if the concessions are considered less than the cost of the war. The goal of Turkey to force Greece to accept any deal between points Ct1 and Cg1 in the bargaining area.

Turkish President has developed the art of bargaining using the threat of war. He adds to the threat some bonus as bait. On the one hand, Erdogan vows to fight back in Idlib and told that operation in Idlib 'only a matter of time'⁵⁴. On the other hand, he buys Russian gas, criticizes NATO and calls for military protection of the Palestinians from Israel that can be useful for Russia's policy in Syria. Similarly, when Turkey develops military cooperation with Ukraine, supports the «Crimean Platform» as part of the Ukrainian strategy of de-occupation of Crimea⁵⁵, all this irritates Russia, and Erdogan understands that this will be appreciated by the US and the EU. The same way, when Erdogan defends the Libyan Government of National Accord from «Russian hybrid threat», it is prized by the US. Conversely, although NATO opposes Erdogan's policies towards the Syrian Kurds, Greece and Cyprus, the US and NATO are ready to support Turkey against Russia. General Secretary of the Alliance Y. Stoltenberg criticized the attack of the Syrian government forces with Russian support on the Turkish strongholds in Idlib⁵⁶.

As for Russia, it can be assumed that President Erdogan is trying to convince President Putin, by countering in Syria, that he can be a more valuable partner than President Assad, and Russia can get more from friendship with Turkey than from protecting Syria. Otherwise, Turkey may strengthen its influence based on the Turkic identity in Central Asia and some regions of Russia. This is a doubtful that the an alleged shared Turkic identity may be revitalized in Central Asia, but the leaders of this state can change their orientation from Russia to Turkey.

«Bargaining model» of Erdogan differs from «regular» one in that it engages not only two parties. Erdogan has congratulated Azerbaijan on liberating Nagorno-Karabakh, adding that Turkey will remain by Azerbaijan's side both on the battlefield and on the negotiating table. This message was addressed to Russia which guaranteed ceasefire and standing behind Armenia that has lost the war⁵⁷.

Erdogan's model of relations with Russia and the United States, which uses of rapprochement and distancing, softening and tightening to show benefits and costs of relationship with Turkey, can be called a dribbling type policy. The result of this dribbling policy is the existence of two point of view in the American political class. Some analysts believe that the US should recognised Erdogan as a fractious ally but put into account his crucial role to Washington's strategic goals in the Middle East. Others believe that the Turkish president is guided only by his own interests. And Washington could rely on him only after meeting all his requirements. Although the adopts of this approach do not propose to punish Turkey too much⁵⁸. An important feature of Erdogan's behavior is deception. There is no strength that can force him to follow the agreements. He is led by his own interests only. There is no doubt that

the next Russian jet fighter could be shot down by Turkey in Idlib despite economic and military cooperation with Russia.

The bargaining combined with a threat has different success in different directions. On the one side, Russia made some concessions to Turkish demands for buffer zones in northeastern Syria⁵⁹, then agreed to the withdrawal of most of the Wagner Group and a cease-fire in Libya. On the other side, the US doesn't make any concessions to Turkey.

According Schelling's approach, it is not necessary to defeat an opponent totally. Instead, more subtle decision is to cooperate. «Cooperation» may take many forms from deterrence, limited war and disarmament to negotiation⁶⁰. The creation of a bargaining situation will controls the «B» participant actions through the choices or decisions of «A» opponent by bargaining power. Communication between parties includes «tacit maneuvers», that is action-based communication.

There is a very important question about the resources needed to threaten the rival-counterparts. Turkey has NATO's biggest standing army after the U.S. but there is a dependence on western countries in supplying, services, maintaining fighter jets, tanks, naval equipment. Erdogan has a problems with transfer of technologies. All this is compounded by economic problems. The drop in the value of the Turkish currency during 2018, the decline in GDP, the country entered a recession. Turkish President draws a resource for confrontation from the conflicts of opponents. There is no doubt that Russia will help Turkey if the US strengthens sanctions. Ukraine is ready to help Turkey in aviation and engine-building technologies because Erdogan does not recognize Crimea as part of Russia⁶¹. Turkey will receive Qatar's support in deepening the conflict with Egypt and the UAE over Libya⁶². Moreover, Erdogan relies on domestic resources, he has ambition goal to push himself into a global leadership role in Islamic world and utilize Turkey's new foreign policy as a method to enhance the regime's domestic legitimacy and ensure its survival⁶³.

Neoclassical realist perspective

The neoclassical realistic approach complements the constructivist view and eliminates some contradictions between realism and the neorealist approaches to Turkish foreign policy. Neoclassical realists agree that the constraints and opportunities of the international system shape the policy of the states, but the reaction of states is primarily determined by internal factors, such as the nature of their internal political regimes, relations between the state and society, as well a strategic culture. If systemic variables have a little constraining effects that emphasized by neorealism, the state structures and perceptions of their leaders play a significant role in foreign-policy behavior⁶⁴. Neoclassical realism attaches importance to a state domestic arrangements, particularly decisionmakers perceptions and states structures in explaining its foreign policy. But in modern Turkey, there are some limitations. There is only one institute and one

decision-maker. This is Erdogan. And all state structures and leaders perceptions that are heard in the public space are under the control of President Erdogan.

Conclusions

Ten years ago, Turkey was considered a «middle power» or «emerging middle power» with ambivalent regional orientation, cooperative initiatives and didn't demonstrate the ambition of power distributor. But after the engaging in Syrian civil war Turkish policy has been changed greatly. From the liberal perspective, there are no signs that Turkey is embedded in domestic civil society and in international democratic system that decisively constrain aggressive actions of Erdogan's Government. The Turkish foreign policy before Erdogan era could be described as a policy that does not exceed its Western allies in international affairs and adjusted Turkish interests to interests of great powers in the region. But then the Turkish president rethought the commitments to the United States and NATO allies that limit his political intentions. And these intentions are more offensive than defensive.

Turkey doesn't hold the conception of «co-operative» security, that is reliable from constructivist perspective. There is a way in which States can maximize their security without negatively affecting the security of others. But Erdogan has chosen another one. He doesn't identify the security of other states as being valuable to Turkey.

Someone accuses Erdogan of ambitions of a modern-day sultan. Certainly his rule is self-interested and power maximizing. Doing this, from constructivist perspective, he creates neo-Ottoman identity in Turkey and along its outskirts, therefore secures his own interests in domestic policy. His power suffers from lack of legitimacy, facing a number of political and economic challenges. By conducting this foreign policy, he tries to legitimate his rule through restoring the greatness of the Ottomans, bringing back the pride of the Turkish nation. His aggressive expansion doesn't contradict the tendency of states to conform to the balance of power theory as defensive realism asserts. The Turkish president does not act as a straight offensive realist, but as a smart one. The defensive realism argues that too much military power decreases a state's security because other states will balance the threat. But there is no balancing coalition of states that stands up to Turkey. The reason for this is that the Turkey's rival partners balance each others. Ergogan creates its own structure of foreign relations in various triangles of states interests, where Turkey balances between the opposing interests of rival partners. This is a multipolar balancing structure that Erdogan uses to his advantage. It makes Turkey no hard hurt from any rival partner.

Structuralrealism or neorealism points towards «structural modifiers», such as the security dilemma, that may lead to the outbreak of conflict on spiral model. But Turkey is acting aggressively in the center of opposing interests, and neither the US, the EU, nor Russia will escalate the conflict. Erdogan intimidates, threatens,

but tries not to cross the line of war. This is not a war without negotiations, on the contrary, it is a negotiation using the threat. Turkish President tries to convert the threat to bargaining power. Who is not on the battlefield is not at the negotiating table — this is Erdogan's approach. He creates a threatening position, and then exchanges it for concessions and benefits. Erdogan considers international relations as a market where one actor forces another to bargain from a position of strength.

For structural realists, domestic politics and leader characteristics play no significant role in determining policy, given the great dangers in an anarchic reality. But from the neoclassical perspective, the regimes should secure themselves properly from without in an anarchic international system. In the case of Turkey, the interests of regime determine the national interests, Erdogan strengthens his own power using the foreign policy. The neoclassical approach gives priority to the political environment in which states interact. Turkey's foreign policy is hybrid. It is domestic motivated and identify based, from the neoclassical and constructivist perspectives, and, nevertheless, it uses the theories of the balance of power, as structural realists assert.

References

1. Jordaand Eduard. The Concept of a Middle Power in International Relations: Distinguishing between Emerging and Traditional Middle Powers. *Politikon: South African Journal of Political Studies*, 2003. 30(1), p. 165-181. Available at: https://ink.library.smu.edu.sg/soass_research/394
2. Elçi E. Politics of Nostalgia and Populism: Evidence from Turkey. *British Journal of Political Science*, 2021. p. 1–18.
3. Hameed Anes Hassan. From Border Security to National Security: Change in Turkish Foreign Policy Towards the Middle East After 2016 (A Realistic Perspective). *Tikrit Journal For Political Science*, 2019. [S.l.], sep., p. 411-33.
4. Turkic language family that Erdogan uses for supporting his demands, was a historical Turkic tribal confederation conventionally named the Oghuz Yabgu State in Central Asia during the early medieval period. Today the residents of Turkey, Turkmenistan, Azerbaijan, Khorezm, Turkmens of Afghanistan, Gagauzia are descendants of Oghuz Turks. The term incorporates the Iraqi Turkmen/Turkoman homelands running from Iraq's border with Turkey and Syria and diagonally down the country to the border with Iran. Anderson Liam, Stansfield Gareth. *Crisis in Kirkuk: The Ethnopolitics of Conflict and Compromise*, University of Pennsylvania Press. 2009.
5. Stanicek Branislav. Turkey: Remodelling the eastern Mediterranean. *European Parliamentary Research Service*, 2020. September. [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/652048/EPRS_BRI\(2020\)652048_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/652048/EPRS_BRI(2020)652048_EN.pdf) (accessed 29.05.2021).

6. Keohane O. Robert. International institutions: Can interdependence work? *Foreign Policy*. Washington; 1998. Spring Issue 110, pp. 82-96.
7. Finnemore Martha. *National Interests in International Society*. Cornell University Press. 1996. p. 4. The term "constructivism" comes from Onuf Nicholas, Jackson Robert Howard and Sørensen Georg. *Introduction to International Relations: Theories and Approaches*, 4th Edition. Oxford University Press. 2010. p. 166.
8. Jeffrey T. Checkel. "Constructivism and Foreign Policy," in *Foreign Policy: Theories. Actors. Cases*, ed. Steve Smith, Amelia Hadfield and Tim Dunne. Oxford University Press, 2008. p. 73-74.
9. Davutoglu Ahmet. *Strategic Depth: Turkey's International Position*. Istanbul: Kure Yayinlari. 2000.
10. Hopf Ted. "The Promise of Constructivism in International Relations Theory". *International Security*. 1998. 23 (1): 171–200.
11. Oguzlu, Tarik. "Turkey and the west: the rise of Turkey-centric westernism." *International Journal*, 2011. vol. 66, no. 4, p. 981.
12. Davutoglu Ahmet. *Strategic Depth: Turkey's International Position*, Istanbul: Kure Yayinlari, 2000.
13. Mearsheimer John J. "The False Promise of International Institutions" *International Security*, 1994-1995. Vol.19(3), p.5-49.
14. Gadelmola Mona Soliman. "Determinants and dimensions of the shift in Turkish behavior towards northern Syria since 2016", *Review of Economics and Political Science*, 2020. Vol. ahead-of-print No. ahead-of-print.
15. Waltz Kenneth N. *Theory of International Politics*. New York: McGraw Hill. 1979.
16. Grafov Dmitry. *Offensive versus Defensive Realism Russia's Policy of Countering the United States in Syria and Beyond*. *Contemporary Arab Affairs*, September, 2019. Vol. 12, No. 3, pp. 21-40.
17. Cumhurbaşkanı Erdoğan: Putin'e bizzat ifade ettim. NTV. 21.12.2015. <https://www.ntv.com.tr/turkiye/putine-bizzat-ifade-ettim,hWxGNskaSEyOs-CY3HLPqw> (accessed 24.05.2021).
18. Vladimir Putin's Big Press Conference [Prezident Rossii. Bol'shaya press-konferenciya Vladimira Putina], President of Russia. 2015. 17 December. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50971>(accessed 14.06.2021).
19. Thépaut Charles. *The Astana Process: A Flexible but Fragile Showcase for Russia*. The Washington Institute. 2020. Apr 28. <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/astana-process-flexible-fragile-showcase-russia> (accessed 19.05.2021).

20. Joint Statement by the Representatives of Iran, Russia and Turkey on the International Meeting on Syria in the Astana format, Sochi, 16-17 February 2021. MID of Russia. 2021. 17 February. https://www.mid.ru/en/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3Ovzca/content/id/4576121 (accessed 28.06.2021)
21. Press release on Foreign Minister Sergey Lavrov's meeting with Turkish Minister of Foreign Affairs Mevlut Cavusoglu. MID of Russia. 2020. 15 February. https://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/4043145 (accessed 16.05.2021)
22. Foreign Minister Sergey Lavrov's opening remarks at the 8th meeting of the Russian-Turkish Joint Strategic Planning Group, Sochi. MID of Russia. 2020. December 29. https://www.mid.ru/en/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/4514860 (accessed 28.05.2021).
23. Exclusive: Turkey Attacks US Special Forces in Syria, Apparently by Mistake. Newsweek. 2019. October 11. <https://www.newsweek.com/us-troops-syria-turkey-1464727> (accessed 20.06.2021).
24. Foreign Minister Sergey Lavrov's interview with Yevgeny Primakov's International Review programme on Rossiya 24 TV Channel, Moscow. MID of Russia. 2019. November 1. https://www.mid.ru/en/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3Ovzca/content/id/3882469 (accessed 29.05.2021).
25. Reynolds A. Michael. "Damaging Democracy: The U.S., Fethullah Gülen, and Turkey's Upheaval – Foreign Policy Research Institute". 2016. <https://www.fpri.org/article/2016/09/damaging-democracy-u-s-fethullah-gulen-turkeys-upheaval/> (accessed 18.06.2021).
26. Scrambling to limit damage, Trump tells Turkey to stop its Syria invasion. Reuters. 2019. October 14. <https://www.reuters.com/article/us-syria-security-turkey-usa-sanctions-idUSKBN1WT2DU> (accessed 19.05.2021).
27. Turkey's military campaign beyond its borders is powered by homemade armed drones. The Washington Post. 2020. November 30. https://www.washingtonpost.com/world/middle_east/turkey-drones-libya-nagorno-karabakh/2020/11/29/d8c98b96-29de-11eb-9c21-3cc501d0981f_story.html (accessed 23.06.2021).
28. Stein Aaron. Putin's Victory: Why Turkey and America Made Each Other Weaker. The Foreign Policy Research Institute. 2019. <https://www.fpri.org/article/2019/07/putins-victory-why-turkey-and-america-made-each-other-weaker/> (accessed 20.05.2021).
29. The US is considering Souda Bay on the Greek island of Crete as an alternative to Incirlik. Arab News. 2020. September 29. <https://www.arabnews.com/node/1741791/world> (accessed 22.06.2021)

30. Dorian Jones. "Erdogan Accuses US of 'Political Coup Attempt,'" VOA News, 2018. January 9. <http://voanews.com/a/turkish-president-accuses-us-coup-attempt/4199728.html> (accessed 27.05.2021).
31. Turkish parliament approves Libya troops motion. Anadolu Agency. 2020. 22 December. <https://www.aa.com.tr/en/politics/turkish-parliament-approves-libya-troops-motion/2085512> (accessed 23.06.2021).
32. The Important Role of Turkish Drones in the Libyan War. Israel defense. 2019. 29 July. <https://www.israeldefense.co.il/en/node/39539> (accessed 16.04.2021).
33. Treaty of Peace Between The Allied & Associated Powers and Turkey Signed at Sevres. 1920. August 10. http://sam.baskent.edu.tr/belge/Sevres_ENG.pdf (accessed 23.05.2021).
34. Lausanne Peace Treaty. Ministry of Foreign Affairs, Republic of Turkey. 2011. http://www.mfa.gov.tr/lausanne-peace-treaty-part-i_political-clauses.en.mfa (accessed 27.05.2021).
35. 'National Pact' message from President Erdogan. Hurriyet Daily News. 2016. 19 October. <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/cumhurbaskani-erdogandan-misak-i-milli-mesaji-40252990> (accessed 27.05.2021).
36. Background Note on Aegean Dispute. Ministry of Foreign Affairs, Republic of Turkey. 2011. <https://www.mfa.gov.tr/background-note-on-aegean-dispute.en.mfa> (accessed 27.05.2021).
37. Background Note on Aegean Dispute. Ministry of Foreign Affairs, Republic of Turkey. 2011. <https://www.mfa.gov.tr/background-note-on-aegean-dispute.en.mfa> (accessed 27.05.2021).
38. Schmitt Michael N. Aegean Angst: The Greek-Turkish Dispute. Naval War College Review. 1996. Vol. 49, No. 3, Summer, pp. 42-72.
39. Germany warns Turkey against 'provocation' in Mediterranean over gas exploration. DW. 2020. 13 October. <https://www.dw.com/en/germany-warns-turkey-against-provocation-in-mediterranean-over-gas-exploration/a-55252222> (accessed 25.04.2021)
40. France recalls ambassador from Turkey after 'unacceptable' Erdogan comments. France 24. 2020. 24 October. <https://www.france24.com/en/france/20201024-france-recalls-ambassador-from-turkey-after-unacceptable-erdogan-comments> (accessed 28.03.2021).
41. Erdogan, Putin launch new gas line, vow Mideast diplomacy. AP News. 2020. January 8. <https://apnews.com/article/a9b4a8502521be3b3accc7be302913ab> (accessed 28.04.2021)
42. "Russian, Turkish foreign ministers back Libya ceasefire in call. Reuters. 2020. 21 May. <https://www.reuters.com/article/us-libya-security-russia-turkey-idUSKBN22X0YC> (accessed 16.05.2021).

43. "Turkey's Erdogan to visit Russia on Thursday amid Syria tensions. Reuters. 2020. March 2. <https://www.reuters.com/article/us-syria-security-turkey-russia-idUSKBN20P0Z1> (accessed 20.05.2021).
44. Meeting of leaders of Russia, Iran and Turkey on Syrian settlement. President of Russia. 2020. July 1. <http://en.kremlin.ru/catalog/countries/IR/events/63588> (accessed 28.04.2021).
45. Putin and Erdogan launch construction of Akkuyu Nuclear Power Plant's 3rd unit in Turkey. TASS. 2021. 10 March. <https://tass.com/economy/1264483> (accessed 20.05.2021).
46. Turkey's military campaign beyond its borders is powered by homemade armed drones. The Washington Post. 2020. November 30. https://www.washingtonpost.com/world/middle_east/turkey-drones-libya-nagorno-karabakh/2020/11/29/d8c98b96-29de-11eb-9c21-3cc501d0981f_story.html (accessed 23.04.2021).
47. Turkish Council: From one nation to six states. Anadolu Agency. 2021. April 01. <https://www.aa.com.tr/en/analysis/analysis-turkish-council-from-one-nation-to-six-states/2195343> (accessed 26.04.2021).
48. Turkey, Ukraine Sign Military Cooperation Agreements. Associated Press. 2020. October 16. <https://www.voanews.com/europe/turkey-ukraine-sign-military-cooperation-agreements> (accessed 24.04.2021).
49. Snyder Jack. *Myths of Empire: Domestic Politics and International Ambition* Cornell University Press. 1991.
50. Waltz Kenneth N. *Theory of International Politics*. New York: McGraw Hill, 1979. p. 126.
51. Turkey proposes 'protection force' for Palestine in emergency OIC meet. TRT World. 2021. 16 May. <https://www.trtworld.com/turkey/turkey-proposes-protection-force-for-palestine-in-emergency-oic-meet-46749> (accessed 23.05.2021).
52. Fearon James. "Rationalist Explanations for War". *International Organization*. 1995. 379–414 (3): 379–414.
53. Reiter Dan. "Exploring the Bargaining Model of War – Perspectives on Politics". *Perspectives on Politics*. 2003. 1 (1), p. 27–43.
54. Syria war: Turkish operation in Idlib 'only a matter of time'. BBC. 2020. 19 February. <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-51558770> (accessed 28.05.2021).

55. Cumhurbaşkanı Erdoğan: Karadeniz'in bir barış, huzur ve iş birliği denizi olmaya devam etmesi temel hedefimiz [President Erdogan: Our main goal is to ensure that the Black Sea remains a sea of peace, tranquility and cooperation]. Anadolu Agency. 2021. 10 April. <https://www.aa.com.tr/tr/turkiye/cumhurbaskani-erdogan-karadenizin-bir-baris-huzur-ve-is-birligi-denizi-olmaya-devam-etmesi-temel-hedefimiz/2204517> (accessed 10.06.2021)
56. Press point by NATO Secretary General Jens Stoltenberg. NATO. 2020. 28 Feb. https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_173931.htm (accessed 17.05.2021).
57. Turkey praises Azerbaijan on Karabakh victory. Hurriyet Daily News. 2020. November 10. <https://www.hurriyetdailynews.com/turkey-continuing-talks-on-how-to-monitor-karabakh-ceasefire-fm-159909> (accessed 29.04.2021)
58. Stratfor Worldview. "Turkey: An Inconstant but Important U.S. Ally". 2017. November 9; <http://worldview.stratfor.com/article/turkey-inconstant-important-us-ally> (accessed 29.05.2021); "Mattis, Turkish Defense Minister Discuss Complex Syria Environment," news release, U.S. Department of Defense. 2018. February 16. <http://defense.gov/News/Article/Article/1443750/mattis-turkish-defense-minister-discuss-complex-syria-environment> (accessed 28.05.2021); Wilkinson Tracy and Hennigan W. J. "Straddling East and West, Turkey Is a Critical Ally in the Fight Against the Islamic State," Los Angeles Times, 2016.July 15. <http://latimes.com/world/europe/la-fg-turkey-us-importance-20160715-snap-story.html> (accessed 27.05.2021).
59. Turkey Syria offensive: Erdogan and Putin strike deal over Kurds. BBC. 2019. 23 October. <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-50138121> (accessed 20.06.2021).
60. Schelling Thomas C. 1980. *The Strategy of Conflict* (Reprint). Harvard University Press, p. 308-309.
61. The Defense News. Ukraine and Turkey in talks to bolster industrial cooperation. 2020. September 2. <https://www.defensenews.com/industry/2020/09/02/ukraine-and-turkey-in-talks-to-bolster-industrial-cooperation/> (accessed 29.05.2021).
62. In tandem with Turkey, Qatar puts boots on the ground in Libya., *The Arab Weekly*. 2020. 18 August. <https://the arabweekly.com/tandem-turkey-qatar-puts-boots-ground-libya> (accessed 29.05.2021).
63. Barkey Henri J. How Erdogan Muscled Turkey to the Center of the World Stage. *World Politics Review*. 2020. Oct. 30. <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/29178/for-erdogan-turkish-foreign-policy-was-always-meant-to-be-assertive> (accessed 14.06.2021).
64. Wohlforth W.C. *The Elusive Balance: Power and Perceptions during the Cold War*. Ithaca: Cornell University Press. 1993. p. 2.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Графов Дмитрий Борисович – к. полит. н., старший научный сотрудник ИВ РАН, Москва, Россия. Dmitry Grafov – PhD (Political Science), Senior Research Fellow IOS RAS, Moscow, Russia.

Научное издание

Восточная аналитика

Выпуск 2, 2021

*Утверждено к печати
Издательской комиссией Ученого совета
Института востоковедения РАН*

Верстка И. В. Федулов



Формат 70х100/16. Усл. печ. л. 7,31. Уч-изд. л. 5.
Тираж 300 экз. Подписано в печать 11.06.2021.
Гарнитура Noto Serif

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031 Москва, ул. Рождественка, 12.
Научно-издательский отдел
Руководитель отдела: Федулов И. В.
E-mail: ivran.izd@gmail.com

Отпечатано в ООО «Белый Ветер».
115093, Москва, ул. Щипок, д.28
тел. (495) 651-84-56